

С Е Р И Я
И С С Л Е Д О В А Н И Я
К У Л Ь Т У Р Ы

The MAKING
of MODERN
WOMAN:
Europe 1789–1918

LYNN ABRAMS

LONGMAN
An Imprint of PEARSON EDUCATION
LONDON, 2002

ФОРМИРОВАНИЕ
ЕВРОПЕЙСКОЙ
ЖЕНЩИНЫ
НОВОЙ ЭПОХИ
1789–1918

ЛИНН АБРАМС

Перевод с английского
ЕЛЕНА НЕЗЛОБИНОЙ

Издательский дом
Государственного университета — Высшей школы экономики
МОСКВА, 2011

УДК 94(4)
ББК 63.3(4)
А16

Составитель серии
ВАЛЕРИЙ АНАШВИЛИ

Научный редактор
ТАТЬЯНА СОКОЛОВА

Дизайн серии
ВАЛЕРИЙ КОРШУНОВ

Абрамс, Л.

А16 Формирование европейской женщины новой эпохи. 1789–1918
[Текст]/пер. с англ. Е. Незлобиной; Гос. ун-т — Высшая школа экономики, 2011. —
408 с. — (Исследования культуры). — 1000 экз. —
ISBN 978-5-7598-0763-6 (в пер.).

Историческое развитие Европы конца XVIII — начала XX столетия сопровождалось революциями, имперской экспансией, волнениями рабочих и войнами. Одновременно в Европе эпохи Нового времени происходило формирование и новой женщины. В книге Линн Абрамс — профессора Университета Глазго, исследователя и преподавателя гендерной истории — предлагается нетрадиционный взгляд на европейскую историю XIX века и многообразии ролей женщины в ней — матери, жены, возлюбленной, революционерки, миссионерки, рабочей и феминистки.

Книга представляет интерес как для специалистов по истории Европы и истории женщин, так и для широкого круга читателей.

УДК 94(4)
ББК 63.3(4)

ISBN 978-5-7598-0763-6 (рус.)
ISBN 0 582 41410 5 (англ.)

© Pearson Education 2002

This translation of *The Making of Modern Woman*, First Edition, is published by arrangement with Pearson Education Limited.

© Оформление. Издательский дом Государственного университета — Высшей школы экономики, 2011

Содержание

ОТ АВТОРА	6
ВВЕДЕНИЕ. МУЖСКОЙ МИР, ЖЕНСКИЙ ВЗГЛЯД	7
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ОБЛИК ЖЕНЩИНЫ	21
I. ТЕЛО, РАЗУМ И ДУХ	23
II. НАУКА БЫТЬ ЖЕНЩИНОЙ.	54
ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ, ОБЩЕСТВЕННЫЕ МИРЫ.	81
III. ЗАМУЖЕСТВО.	83
IV. МАТЬ И РЕБЕНОК	119
V. ДОМ, СЕМЬЯ, РОДНЯ И ОБЩЕСТВО.	147
VI. СЕКС И СЕКСУАЛЬНОСТЬ	169
VII. РАБОТА РАДИ ПРОПИТАНИЯ.	202
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. ПРОТИВОСТОЯНИЕ ВЛАСТИ.	239
VIII. ПОЛИТИКА, НАЦИЯ И ЛИЧНОСТЬ	241
IX. ЖЕНЩИНА И ИМПЕРИЯ	275
X. ФЕМИНИЗМ ПЕРВОЙ ВОЛНЫ	299
XI. МИРОВАЯ ВОЙНА.	335
ПРИМЕЧАНИЯ	364
БИБЛИОГРАФИЯ	400

ОТ АВТОРА

Появлению этой книги предшествовали 10 лет моего собственного изучения и преподавания истории женщин современной Европы, а также работа на протяжении многих десятилетий других исследователей, которые сделали жизнь европейских женщин более осязаемой и понятной для нас. Я в большом долгу перед историками, занимавшимися женским вопросом. Исторический материал, особенно по XIX веку, настолько обширен, что любые попытки его систематизировать скорее всего приведут к ограниченному и субъективному взгляду на опыт, роль и борьбу тех женщин, которые участвовали в европейской истории. Мне бы хотелось отдать дань усилиям женщин-ученых, занимавшихся историей женщин Европы и внесших свой вклад в изменение исторических взглядов. Хилари Уилки, бывший редактор издательства «Longman», подсказала мне тему, и мне бы хотелось поблагодарить ее за то, что она вдохновила меня на создание этой книги. Надеюсь, все получилось именно так, как она себе это представляла.

Я признательна очень многим. Впервые я занялась преподаванием женской истории в Университете Ланкастера (Lancaster University) в 1990–1995 гг. В то время моей наставницей была (и остается ею поныне) Пенни Саммерфилд. Ее энтузиазм в отношении к женской истории и то, как она занимается этим вопросом, воодушевляют и побуждают к действию. В Университете Глазго (Glasgow University) студенты моего курса постоянно бросали мне интеллектуальный вызов и вовлекали в споры. Особенно это касается выпускников 1996–1997 гг., заставивших меня серьезно задуматься о феминизме и женщинах. Героини прошлого подогревали амбиции многих из моих слушателей и стали кумирами для них.

Наброски книги обсуждали мои друзья. Мне помогли Элеанор Гордон, Элизабет Харви, Дебора Симонтон, Меган Смитли и Перри Уилсон. Моя соседка Мойра Лоусон много раз поддерживала меня столь обычным для женщин способом (хотя мои огурцы вряд ли были честной платой за ее торты). Приношу искреннюю благодарность Каллуму Брауну, который прочел моих записей настолько много и так погрузился в историю женщин Европы, что вполне заслуживает аналога медали «За материнство».

Книга посвящается моим бабушкам — Грейс Абрамс (1900–2000) по отцовской линии и Мей Джей (род. 1911) по материнской. Каждая из них внесла свою лепту в те причины, по которым было необходимо написать историю женщин.

ВВЕДЕНИЕ

МУЖСКОЙ МИР, ЖЕНСКИЙ ВЗГЛЯД

«Совершенно очевидно, — писала молодая шотландка Мэрион Киркланд Рейд (1817–1920)* в 1843 г., — что если женщина является ответственным существом, то должен быть предел ее подчинению и послушанию мужчине»¹. Своей книгой «A Plea for Woman» («Мольба о женщине») Рейд приоткрыла женщинам глаза на «систему подавления», сдерживающую их образование, а также полноценное и равное участие в общественной жизни. «Хотя в этой стране женщина относительно счастлива, — пишет она о Британии, — нам кажется вполне ясным, что даже здесь она измождена ненужными ограничениями». Оглядываясь на 50-летний период истории, Рейд отмечает прогресс в положении женщин со времен эпохи Просвещения и Великой французской революции. Однако она пишет о тех препятствиях, которые все еще нужно преодолеть женщинам на пути к равенству: «Почему мы должны удовлетворяться тем, чего уже добились, вместо того, чтобы открыто смотреть вперед и видеть те перемены к лучшему, которые еще ждут нас?»².

Моя книга охватывает чрезвычайно важное для истории женщин столетие, начавшееся Великой французской революцией. Именно тогда европейские женщины впервые осознали, что их подчинение мужчинам было результатом сговора и идеологии, которую можно и нужно пересмотреть и создать в противовес ей собственную систему взглядов. Завершается рассматриваемый период Первой мировой войной и победами первой волны феминизма**. Особо следует отметить то, что за это время женщины добились избирательных прав. Дистанция между двумя названными историческими событиями составляет 125 лет, в течение которых женское движение часто и критиковалось, и подвергалось сомнению. Такие женщины, как Мэрион Рейд, устно и письменно высказывали соображения и выражали идеи, невероятным образом изменявшие общественное сознание. Они без сожаления смотрели в прошлое и с великим оптимизмом — в будущее. Их размышления были результатом беспрецедентного напряжения, вызванного, с одной стороны, большими структурными

* Шотландская феминистка. Известна книгой «A Plea for Woman» (1843), которая при жизни автора, в 1847, 1848, 1851, 1852 гг., была издана в США под названием «Woman, her Education and Influence» («Женщина. Ее образование и влияние»). — *Здесь и далее под астериском (*) даются примечания научного редактора и переводчика.*

** Феминизмом первой волны, или традиционным феминизмом, считается общественно-политическое движение 1840–1930 гг., целью которого является уравнивание мужчин и женщин в гражданских правах.

и идеологическими изменениями, как-то интеллектуальная, научная и политическая революции, образование национальных государств, индустриализация и урбанизация. С другой стороны, менялся взгляд на природу женщины и ее роль жены, матери, возлюбленной, труженицы и человека, отстаивающего свои права. Серьезные общественные и экономические изменения XIX века вызывали, по-видимому, те противоречивые и глубокие потрясения, с которыми пришлось столкнуться женщинам.

Большая часть данной книги посвящена тому, как меняющиеся представления о роли полов влияли на поведение женщин дома, на работе и в политике, а также тому, как женщины использовали эти представления, чтобы отвоевать привилегии, до этого принадлежавшие только мужчинам. Речь идет о широкомасштабной борьбе, медленно, но верно приводившей к определенным результатам. К 1918 г. в большинстве стран женщины получили избирательные права, что для многих стало победой — значимым успехом, подведшим итоги первой волны феминизма. Однако мы уже знаем, что в следующем столетии одного избирательного права оказалось недостаточно для изменения положения женщин в обществе. Неизбежна была вторая волна феминизма, которая начиная с 1960-х гг. и бросила вызов прежде незыблемым и неприкосновенным основам идентификации женщины. С позиций этого нового знания мы теперь и подходим к XIX веку, к истории женщин в 1789–1918 гг.

Все началось с Французской революции 1789 г., возвестившей, сколь серьезно увлечение Европы просветительскими идеями о равенстве людей и правах человека. Просвещение и Французская революция создавали иллюзию о возможности участия в политике женщин наравне с мужчинами. На языке прав и гражданских свобод зазвучали требования радикально настроенных женщин о признании их социальной роли, а впоследствии — о расширении их прав, гражданских и политических. В то же время все заявления мыслителей эпохи Просвещения, преимущественно мужчин, не содержали даже гипотетических призывов к осуществлению прав женщин. Права предназначались только для мужчин, и на протяжении десятилетий женщинам пришлось самостоятельно вносить поправки в вербальное и идейное наследие философов эпохи Просвещения, а также компенсировать дефицит демократии, заложенный в их трудах. История европейских женщин — это преимущественно рассказ об их борьбе за равенство с мужчинами, в котором им было отказано эпохой Просвещения. Следует признать тот факт, что народы Европы даровали права человека, законную независимость рабам и большинству рабочих-мужчин раньше, чем женщинам. Это нельзя не считать курьезом, так как именно женщины сыграли ключевую роль в движении против рабства. Тем не менее в тот же исторический период женщины, которые пытались достичь полноценного статуса граждан Европы, по-

степенно отвоевывали и свои права. Оптимистичный взгляд на это столетие позволяет увидеть устойчивое движение к женской эмансипации.

Однако существует и в корне иная точка зрения, согласно которой XIX век привел к снижению статуса и возможностей женщин. Сторонники такого подхода полагают, что Французской революции не удалось дать права женщинам, но, что более важно, в Европе укрепилась идеология, привязывающая женщину к дому. Это была идеология *обособленных или раздельных и закрепленных сфер* (*separate spheres*), согласно которой областью реализации женщины является домашнее пространство, а мужчины — общемировое (работа, политика, борьба). Относящаяся к женщинам часть этой идеологии может быть охарактеризована как *домострой* и ведет к закреплению. На протяжении большей части описываемого периода для европейской культуры был характерен язык домостроя и идеологии *обособленных сфер*, который определял права женщин и распространялся на области трудовой деятельности, политики и интеллектуальной жизни.

Идеология домостроя была настолько всесильна, что даже радикально настроенные женщины не могли противиться ей. Им приходилось бороться (не всегда успешно) и искать компромисс между домостроем и своими правами. Для большинства феминисток первой волны, живших в XIX веке, решением была концепция тождества, или паритета различий, признававшая равенство женщин и мужчин вследствие того, что они обладают разными и взаимодополняющими качествами. «То, на чем зиждется равенство, провозглашенное для мужчин, справедливо и для женщин, — заявляла в середине XIX века Мэрион Рейд, — так как женщины обладают той же человеческой природой». Однако она также утверждала, что женщинам более свойственна чистота, ясность и открытость мыслей, рассудительность, а их суждения в большей степени, чем у мужчин, свободны от политической предвзятости. Такое представление о различии полов, о фундаментальной разнице сознания и морали, о способностях мужчин и женщин и их ролях являлось наследием эпохи Просвещения. Это мировоззрение диктовало многое из того, что женщинам приходилось терпеливо сносить, и определяло их самосознание. Преемственность между XX и XVIII веками, которая отражена в этой книге, проистекает из исторической неразрывности темы и опыта женского движения.

Если историческая неразрывность относится к женскому опыту, исторические перемены традиционно рассматриваются как опыт мужской. В редкие столетия наблюдались такие глубокие и многообразные изменения, какие выпали на долю XIX века, и все они описываются в исторической литературе как деяния мужчин. Мужчины создают экономику и науку, делают открытия, выигрывают войны, формируют правитель-

ства, исследуют далекие земли и пишут книги. Ограниченный двумя датами, ставшими водоразделом эпох, а именно Великой французской революцией и Первой мировой войной, рассматриваемый период изобилует важнейшими событиями, питающими традиционную историю XIX века: революции 1789, 1830, 1848 и 1917 гг.; европейские и мировые войны (Наполеоновские, Крымская, Первая мировая); кульминация экспансии европейского империализма в Африке, Азии и на островах по всему миру; подъем просвещения, либерализма, марксизма, дарвинизма и евгеники*; Промышленная революция, рост мировой экономики, урбанизация и изменение структуры большинства европейских сообществ. Эти события не обошли стороной ни одно европейское государство, хотя их влияние на разные государства различны. Ни одно другое столетие так не отразилось на нашем сегодняшнем восприятии прошлого, не оказало такого влияния на формирование наций, их границ и конституций, не дало большинству европейских народов такого количества национальных героев: Наполеон, Нельсон, Веллингтон, Бисмарк, Гарибальди, Маззини, Парнелл, Кошут и Масарик**. Историки и социологи полагают, что именно этот период сформировал общество, политику, нации, границы и экономические системы современности.

Таков общепринятый взгляд на историю Европы 1879–1918 гг., и это мужской взгляд. В такой истории практически нет мест женщине, потому

* Евгеника (от *греч.* *eugenes* — хорошего рода) — теория о наследственном здоровье человека и путях его улучшения. Принципы евгеники были впервые сформулированы Ф. Гальтоном (1869), предложившим изучать влияния, которые могут улучшить наследственные качества (здоровье, умственные способности, одаренность) будущих поколений. Прогрессивные ученые ставили перед евгеникой гуманные цели. Однако ее идеи нередко использовались для оправдания расизма. В современной науке многие проблемы евгеники, особенно борьба с наследственными заболеваниями, решаются в рамках генетики человека, в том числе медицинской генетики. Корректность употребления термина «евгеника» считается спорной.

** Маззини Джузеппе (1805–1882) — итальянский патриот и писатель, возглавлявший вместе с Джузеппе Гарибальди (1807–1882) борьбу за освобождение Италии от австрийского владычества. Парнелл Чарлз Стюарт (1846–1891) — лидер движения за самоуправление Ирландии. Кошут Лайош (1802–1894) — блестящий адвокат, оратор и журналист, руководитель национально-освободительного движения, возглавивший в 1848 г. восстание за независимость Венгрии от Австрии; 14 апреля 1849 г. он объявил Венгрию независимой от Австрии и, в сущности, стал ее диктатором. Вскоре, однако, его войска были разбиты, а сам он бежал в Турцию. В 1852 г. переехал в Англию, где прожил приблизительно 17 лет. Умер в Турине (Италия). Масарик Томаш Гарриг (1850–1937) — общественный и государственный деятель, один из лидеров движения за независимость Чехословакии, а после завоевания ею независимости — первый президент республики (1918–1935).

что она ассоциируются с тем ее аспектом, который отражает преемственность, — неменяющийся дом, где есть жена, мать, дочь и кухарка, выполняющие неизменные функции: рождение детей и обеспечение «тылов». Согласно большинству описаний XIX века жизнь женщин почти не менялась. На нее не особенно влияли так называемые исторические веяния, да и сами женщины практически не оказывали никакого воздействия на развитие исторических событий. С этой упрощенной и предвзятой точки зрения мужчина и женщина воплощают изменение и преемственность, инь и ян исторического процесса. В 1998 г. в учебнике истории одной из европейских стран женщинам XIX века был посвящен всего один параграф, в котором без тени сомнения заявлялось, что они были фоном меняющейся истории этой страны. Несмотря на четыре десятилетия напряженных научных исследований жизни женщин XIX века, события, как правило, излагаются так, словно историческая сцена была заполнена мужчинами, а женщины лишь аплодировали им или же злобно шипели из-за кулис.

ИЗМЕНЕНИЕ И ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ

Почему роль женщины оказалась низведена до значения украшения европейской истории? И как ученые, занимающиеся историей женщин, истолковывают данные допущения в свете гендерной* природы изменений и преемственности? Одним из очевидных объяснений игнорирования женщин можно считать то, что они не были ни дипломатами, ни генералами или политиками. Именно мужчины воевали, создавали законы, являлись мыслителями, и, если верить традиционному изложению, они же были творцами, изобретателями и добытчиками. Однако существуют и другие причины исключения женщин. Вот что пишет по этому поводу один из летописцев жизни женщин: «Нет никаких сомнений, что содержание женской истории ни чуть не менее сложно, чем истории мужчин. Но мы должны признать, что женская часть человечества проживала эти времена не в таком ритме, как мужчины, и воспринимала их по-другому»⁴. Такое предположение было с готовностью принято на вооружение женскими историками, чьи труды оказываются подтверждением того, что женщины иначе воспринимают происходящее.

Исследователи, пишущие о женщинах, часто не соблюдают стандартные хронологические рамки исторических периодов, ограниченные войнами или политическими событиями, а используют в качестве организующего принципа своих работ жизненный цикл женщины. Такой

* Гендер — специфическая категория анализа «пол — род», альтернативная понятию «пол — секс»; исключает присущую последнему биологическую составляющую. Используется в философии и социологии с 1980-х гг.

подход привлекателен, так как дает возможность соотнести время историческое и личное⁵. В первой части хрестоматийной работы Олвена Хафтона, где рассматривается ранний период истории женщин современной Европы, описывается путь от замужества к материнству и вдовству. Исследование Бонни Смит о европейских женщинах, начинающееся с 1700 г., открывается рассказом о замужестве. Подобный подход делает частную жизнь той призмой, сквозь которую рассматриваются три столетия истории женщин⁶. В результате исследования, посвященные периоду истории женщин, сменившему эпоху Просвещения, переводят тему в иную плоскость. В англо-американской литературе одно из таких исследований, где *обособление сфер* противопоставлялось Золотому веку, приобрело статус уважаемой работы. Частично это объясняется тем, что данное исследование удобно соседствует с преобладающими объяснениями исторических сдвигов и не грозит подорвать господствующие представления о них⁷. Еще одним примером не менее авторитетного исследования является книга «Family Fortunes» («Семейные состояния»). Ее авторы — Давидофф и Холл, — анализируя материал, относящейся к истории английского среднего класса периода формирования капитализма, полагают, что на протяжении Золотого века, в XVII и начале XVIII веков, женщины обладали значительной свободой, у них был собственный статус и самостоятельная, соответствующая ему функция. Этот период завершился, когда в конце XVIII и начале XIX веков возникла капиталистическая промышленная экономика, принесшая идеологию *обособленных сфер*. Она-то и погрузила женщин в мир домашних дел, а мужчин — в работу, политику и войну. В результате женское влияние на общество и их амбиции сократились. Женщины практически оказались затворницами в своих домах, которые превратились для многих из них в тюрьму, где отсутствовали наслаждение, радость и отдых. Им было отказано в самостоятельном доступе к капиталу, а также к свободе и власти, зависящим от этого капитала. Их образ жизни регулировался доморожденными представлениями о женственности, а она после 1800 г. связывалась с чистотой, благочестием, покорностью и готовностью к материнству. Подобная идеология, ограничивающая права и возможности женщины, оправдывала культ домашнего очага и так называемой истинной женственности, воцарившийся в жизни среднего класса, но одновременно, как ни странно, давала женщинам ощущение особого предназначения. Они чувствовали моральное превосходство в индустриальной цивилизации, пропагандируя свою женскую культуру, формирующуюся вокруг церкви, дома и благотворительности. Считается, что все это постепенно стало основой протофеминистического сознания, наделявшего женщину определенной властью в собственном

доме, где она действовала исходя из своих нравственных принципов. Возникает впечатление, что у женской истории другая хронология.

Однако Джудит Беннетт, занимавшаяся изучением женского вопроса, утверждает, что в действительности это не иная хронология, а лишь адаптация к мужской историографии: «Мы синхронизировали изменения женского статуса с основными поворотными моментами истории и обнаружили, что на фоне прогрессивных изменений в истории женщин наблюдался регресс»⁸. Женские историки, утверждает Беннетт, не желают отказываться от традиционной периодизации даже в тех случаях, когда опыт и положение женщин не вписываются в эту схему. Узнаваемые поворотные моменты истории остаются мужчинам, утверждает она, женские же историки просто решили интерпретировать их по-другому (обычно негативно). В результате, среди некоторых женских историков бытует мнение, что идеология *обособленных сфер* использовалась лишь для объяснения исключения женщин из процессов, определяющих политику и экономику XIX века, а не для действительно альтернативного изложения событий, учитывающего положение женщин.

Самый очевидный вариант альтернативной историографии связан с описанием преемственности. Согласно ему, женщины всех эпох до конца XX века подчинялись мужчине в работе, своих действиях, политике, выборе досуга и были ограничены обязанностями, связанными с материнством и домашними заботами. В соответствии с новыми тенденциями в то время как другие историки изучают происходившие сдвиги, акцент в женской истории делается на долгосрочную — тянущуюся столетиями — преемственность женского опыта и статуса. В подобных историографических работах традиционные переломные моменты, такие как революции и войны, исчезают из поля зрения авторов. Их вытесняет практически не имеющий связи со временем опыт половины населения: замужество, деторождение, труд, вдовство. Именно желанием пересмотреть традиционную периодизацию отмечена женская и гендерная история, что делает дисциплину живой и восприимчивой. При таком подходе обращают внимание на долгосрочные структурные сдвиги (такие как изменения экономики), а не на сиюминутные или революционные перемены; происходившие трансформации в положении женщин смещаются в тень важностью и фундаментальностью преемственности. Джудит Беннетт написала о патриархальном равновесии, которое веками определяло подчиненность статуса женщины вне зависимости от очевидных изменений в ее жизни⁹. Олвен Хафтон признает, что на протяжении трех веков, в 1500–1800 гг., «все, кто выживал в процессе деторождения... на всю жизнь становились заложницами ограничений, накладываемых экономическими обстоятельствами и чувством долга, а общество навязывало им набор ценностей, взглядов и образцов поведения, зависящих от клас-

совой принадлежности»¹⁰. Прежде историки были убеждены, что преемственность вполне точно характеризует положение женщины в последние три столетия. Более того, они отрицали, что к истории женщин применимо понятие «Золотой век» и доказывали, что подавление и подчинение женщин в феодальном обществе, в 1000–1500 гг., было таким же, как при капитализме и в эпоху индустриализации¹¹. Аманда Викери даже настаивает, что *обособление сфер* между мужчинами и женщинами существовало всегда, а не возникло в конце XVIII — начале XIX веков и не является порождением среднего класса. Женщины, уверяет она, и до этого посвящали себя дому, тогда как во внешнем мире доминировали мужчины. С ее подачи историки, описывающие работу, которую выполняли женщины, с недавнего времени начали обращать внимание на такие аспекты, как пропорция женской занятости, типы выполняемых работ (низкая квалификация, низкий статус, низкая оплата), а также секторы, в которых использовался труд женщин. Возможно, личный опыт женщин менялся, но их статус во многом оставался прежним.

Однако преобразования неизменно привлекают внимание любого историка. И было бы странным, если бы он не выразил собственное мнение по поводу интересующего его периода истории (увязав происходившие сдвиги с периодом предшествующим). Все это вполне естественно для историка. Однако для Беннетт любое событие — не столько результат преемственности, сколько казус¹². В своей книге она настаивает на необходимости освещения и изменений, и преемственности. Ее работа соответствует призыву Аманды Викери менее героизировать хронологию, а также симпатизирует отрицанию значения *обособленных сфер* как главного организационного принципа жизни мужчин и женщин описываемой эпохи. Однако в XIX веке произошли фундаментальные идеологические и экономические изменения, отразившиеся на следующем столетнем периоде истории¹³. Повлияли они на жизнь женщины порой настолько неожиданным образом, что это невозможно не заметить. Великая французская и Промышленная революции изменили существующее положение вещей в большей части Европы, отразившись на разных сферах жизни — идеологии, политике, экономике, финансах, культуре и быте. Даже допуская в принципе правомерность историографии с позиций преемственности, для Европы XX века, особенно после 1950 г., когда женщины завоевали новую власть, новые права и свободы и выработали новые критерии самоопределения, такой взгляд становится несостоятельным. А начались изменения в мироощущении женщин в веке XIX, коснувшись не всех женщин, не одновременно и не повсеместно, но тем не менее это случилось.

Путь к «большому сдвигу», то есть к освобождению женщин Европы, не был прямым; напротив, он был сложным и извилистым. В этой книге нас интересует то, как эпоха Просвещения способствовала проче-

нию таких качеств женской натуры, как хозяйственность, материнский долг, кротость, и затормозила развитие трудовых навыков, возможностей, сознания и амбициозности женщины. Мы увидим, как разделение на мужскую и женскую обособленные сферы повлияло на жизнь женщин. При получении образования, работы и в обретении самостоятельности над женщиной довели мужчины, от них зависело и ее самоопределение. Однако идеология домостроя постепенно, очень медленно, стала той базой, которая привела женщин в политику. Они использовали свои отличительные свойства в качестве сильного аргумента в претензиях на большую власть. Иначе говоря, женщины той эпохи осознали значение идеологии *обособленных сфер* и начали эксплуатировать ее как никогда прежде (и, вероятно, никогда позже): они использовали благочестие и мораль уважаемой женщины для достижения власти в обществе, а принципы домашней жизни — на переднем крае жизни политической и общественной. Уже хотя бы потому, что наши сестры в XIX веке признавали исключительную силу идеологии *обособленных сфер*, мы, изучающие их опыт, тоже должны учитывать и эту силу, и ее положительное влияние.

ПРЕДМЕТ ЖЕНСКОЙ ИСТОРИИ

Женская история занимается не только вопросами хронологии и преемственности. Она также пересматривает набор фактов, которые включаются историографами в свои труды. Одной из значимых заслуг женской истории стало введение в научный оборот новых тем, например воспроизводство рода, материнство и пол. Они подчеркивают значение личности в истории и ее понимании, а также роль женского тела — его функций, возможностей, эксплуатации и плодovitости — как важного аспекта происходящего в истории. Этот вопрос отражен в нескольких начальных главах книги. Они посвящены не только отношению к материнству как к предназначению женщины, но и тому, как это предназначение осуществлялось на практике.

Женщина — это не только ее тело. Она участница великих событий европейской истории. Женщины были на баррикадах, гибли под бомбами, стояли на импровизированных трибунах и, что самое главное, они работали — в промышленности, торговле, на рудниках и в магазинах. Участие женщин меняет внутреннюю суть исторических событий. Сконцентрировав внимание на соотношении личного и общественного, задумавшись о политическом значении представлений о различии полов, историки, пишущие о женщинах и о гендерных отношениях, начали процесс переоценки некоторых из значимых событий европейской истории XIX века. Как напоминает нам Джоан Скотт, «пол постоянно упоминается при установлении, легитимизации и критике политической вла-

сти»¹⁴. Примеров тому немало. Образование национальных государств в настоящее время представляется в основном как чисто политическое, дипломатическое и экономическое достижение. Этот процесс рассматривается как гендерный, с помощью символов мужественности и женственности в одинаковой степени нацеленный на охрану морали, геополитических границ и национальное самоопределение. Далее, эпоха политической активности масс, вызвавшая подъем так называемых народных политических партий, практически до конца столетия неверно использовала понятие «гражданин», относя его только к мужчинам и тем самым поражая в правах женщину лишь на основании ее половой принадлежности. Кроме того, отношение к различию полов и то, как оно отразилось на рынке труда, повлияло на наше понимание Промышленной революции, организации производства и зарождения рабочего движения.

Итак, по-видимому, с точки зрения женской истории XIX века, при всей привлекательности такой позиции, присущи не только традиционные формы женской активности, связанные с домом и материнством. И в то же время исключительно длинный путь, проделанный женщинами от политической и правовой подчиненности к относительному равенству, как и борьба женщин за свои права и возникновение феминистического движения, занимают в истории XIX века значительное, но не главное место. Освещение прошлого историком женщин скорее всего должно основываться на синтезе представлений — и женских, и мужских, а также на том, как эти взгляды воплощались в жизнь во всех сферах человеческой деятельности.

Кроме того, данная книга является попыткой найти место для женщины в историографии о XIX веке и понять, как такой подход меняет картину традиционных представлений об этом периоде. Деятнадцатое столетие — это век буржуазный, революционный и имперский, и три эти аспекта его истории должны быть переосмыслены после включения в описание той эпохи материалов о деятельности женщин, которые были не просто наблюдателями, но участниками политических и экономических потрясений. В XIX веке мир не являлся исключительно мужским. Женщины находились в самом центре событий, ставших определяющими для этого века: они были революционерками, сражались на баррикадах, участвовали в забастовках, требуя хлеба и справедливости; они работали на полях и фабриках, содействуя Промышленной революции в Европе. На них лежала ответственность за воспитание детей и домашний очаг, и они играли свою роль в возникновении наций и консолидации империй. Однако не следует забывать, что общегуманистические изменения в жизни самих женщин по большей части происходили постепенно и были мало заметными. Историческая панорама, представляющая XIX век как нескончаемую череду надвигающихся друг

на друга кумулятивных революций, скрывает обыденность повседневной человеческой жизни. Для большинства женщин того времени происходившее оценивалось соотношением родившихся и выживших детей по сравнению с поколением их матерей; наличием приемлемой работы; взаимоотношениями в браке — с точки зрения возлагаемых на него надежд и реального опыта; доступом к богатству, власти, политическим и гражданским правам. И в этих вопросах для большинства женщин преемственность была более заметна, чем перемены.

В книге рассматривается жизнь европейской женщины — ее физический цикл, общественная, экономическая, интеллектуальная и политическая значимость. Это не альтернативная история XIX века, книга выдержана в рамках традиционной периодизации и учитывает ключевые поворотные моменты данного исторического отрезка времени, но организуя материал началом в ней является женщина. При таком подходе неизбежны трудные решения о приоритете определенных событий перед теми, которые традиционно включались в историографии. Если обычно историки использовали для описания этого периода высокие идеи и политические учения, я структурировала свою оценку XIX века, основываясь на опыте женщин и эволюции взгляда на различие полов. Джианна Помата утверждает: «Современный учебник по истории женщин должен быть написан не для того, чтобы превратить их историю в отдельную область науки, и не для того, чтобы интегрировать и унифицировать накопленные по этому вопросу исторические знания. Его следует писать, просто чтобы отразить (с неизбежными упущениями) многостороннее, не унифицированное видение, основанное на современных исследованиях»¹⁵, — и я придерживаюсь того же мнения.

Необходимо также учитывать и методологический аспект проблемы: следует ли считать женщин XIX века жертвами или нужно относиться к ним как к активным действующим лицам истории? Те ученые, пишущие о женщинах, которые рассматривают тему на ее протяженности во времени, оказываются внутри спирали из двух составляющих ее переплетенных кривых. Первая составляющая — это степень влияния политических, экономических, идеологических и общественных событий на жизнь женщины; вторая — это степень влияния самих женщин на ход событий. Соотношение между *пассивностью* и *деятельностью* составляет основу любого исторического исследования о женщинах и образует ядро ранних феминистических анализов, посвященных условиям жизни женщин и возможностям изменить их. Для Мэрион Рейд, чьи слова приводятся в начале этой главы, в самом предмете исследования скрыта головоломка: женщинам предстояло сначала осознать свое положение, а затем начать действовать, чтобы изменить его. Большинство так называемых негендерных (неориентированных на различия в положении полов) истори-

ков, пытающихся включить в свои широкомасштабные исследования женскую тему, рассматривают женщин как предмет подчинения, пассивный объект заранее определенного исторического ландшафта. Некоторые важные или значимые события, такие как Великая французская революция, сохраняют свое почетное место; женщинам же отводится роль либо массовки, кричащей из-за кулис, либо спонтанных мятежниц. Что бы ни делали женщины, они существенно не влияли на ход истории. Историки, пишущие о женщинах, в свою очередь стоят на противоположной точке зрения и пытаются представить женщин центральными фигурами, действующей силой исторических изменений. Вопрос «Не все ли равно?» более не задают даже скептики, так как многие историки показали, что разница есть, и она существенна. Хорошим примером является Промышленная революция в Англии, поясняя который историк Максин Берг и другие показали, что высокая производительность работников низкой квалификации, то есть женщин и детей, в период технического подъема обеспечила беспрецедентный экономический рост во время индустриализации¹⁶. Промышленная революция просто не произошла бы так быстро и так успешно без привлечения женского труда. Таким образом, в Европе XIX века женщины были не пассивными жертвами, а деятельной силой. И на баррикады они отправлялись сами, а не по принуждению.

Теперь уже недопустимо пренебрегать положением и деятельностью женщин в странах Северной и Западной Европы. Здесь женская история оживленно развивается. Это же можно сказать о странах Южной Европы, особенно по мере того, как англоязычному миру становятся доступны различные материалы по данной теме. Англо-американские историки всегда очень интересовались русскими женщинами, но относительно медленное развитие женской истории в Восточной Европе означает, что эти исследования лишь недавно оказались востребованы обществом. Будучи историком Германии и Шотландии, я в основном занимаюсь Северо-Западной Европой. Мои взгляды основываются на знании западно-европейского пути развития и переломных моментов общеевропейской истории. Написанное мною исследование опирается на опыт наиболее экономически и политически развитых государств, на понимании того, что большая часть Европы в разное время и не в одинаковой степени подверглась одним и тем же экономическим и политическим преобразованиям. Ни одно государство не осталось незатронутым интеллектуальной революцией XVIII или Промышленной революцией XIX веков. В то же время не менее важно дать слово женщинам, находившимся на географической и социальной периферии, вдалеке от передовой экономики, и отразить их опыт. В любом труде об истории женщин для анализа используются не только гендерные, но и другие факторы: геогра-

фия, экономика, этнография, религия и классовая принадлежность. Все это влияло на положение женщин в Европе.

Одним из открытий этой книги можно считать следующее: при рассмотрении вышеназванных факторов выясняется, что центр и периферия не так сильно отдалены друг от друга, как, вероятно, привыкли думать историки. В положении женщин в разных странах Европы больше сходства, чем различий, и это наблюдение отличает данную работу от других ей подобных. Несмотря на религиозные, географические, геологические, климатические и политические различия, на неодинаковое состояние экономического развития, и в Западной Ирландии, и на Урале женщины были объектом одинакового давления на их жизнь. Они были заняты в похожих видах работы, формы их протеста против своего подчиненного положения также были очень похожи. Различия следует искать лишь в степени и частоте проявления того или иного фактора. Чаще всего эти различия носят региональный характер и более заметны в пределах одной страны, чем при сравнении разных стран. К 1900 г. не все государства имели тот же уровень индустриального развития, как Британия, но в большинстве стран существовали сильные промышленные районы, связанные с определенными секторами экономики. В самой Британии немалая часть территории, особенно западные и северные окраины, были аграрными, поэтому женщины севера Шотландии имели гораздо больше общего с женщинами Скандинавии или рыбацких деревушек Испании, чем со своими сестрами с текстильных фабрик севера Англии.

Таким образом, женская история — вовсе не простое дело. История женщин не может, не должна и никогда не исключалась из общей истории. В 1789–1918 гг. женщины находились в центре каждого события, были причастны к каждому аспекту европейской жизни. Чтобы стать европейским историком, нужно думать об истории женщин и о том, что они дали этому континенту.

СТРУКТУРА КНИГИ

Книга состоит из трех частей. Первая часть — «Облик женщины» — рассказывает о том, какие представления о женщине закреплены культурой: как философия, медицина, наука и религия видели идеальную женщину и ее антипод. Просветительские идеи, возможно, прямо не воздействовали на жизнь женщин той эпохи (например, на их права), но они формировали отношение к женщинам и способствовали их самоидентификации вплоть до начала XX века. Эти представления или рассуждения являются жизненно важной областью для историков, пишущих о женщинах, так как они закладывают основу всех политических и законода-

тельных действий в отношении женщин, объясняют то, как мужчины относились к женщинам, и то, как возникало, росло и менялось самосознание женщины.

Вторая часть книги — «Частная жизнь, общественные миры» — посвящена статусу и положению женщин в семье и обществе. В описываемый период для большинства европейских женщин жизнь была сосредоточена вокруг семьи и определялась социальными и экономическими отношениями внутри сообщества, к которому они принадлежали. Хотя такое положение вещей может рассматриваться как характерная черта, определяющая подчиненность женщин (например, именно этот аргумент использовали феминистки в своей борьбе), парадоксально, но именно в пределах связанных между собой сфер женщины пользовались величайшей независимостью. Домашняя сфера была одновременно и областью подчинения, и благодатной почвой, на которой всходили семена свободы. Книга рассматривает этот парадокс и то, как он проявлялся в замужестве, материнстве, общественных связях, сексуальности, работе — оплачиваемой и бесплатной.

В третьей части — «Противостояние власти» — рассматривается занятость женщин в так называемой публичной сфере. В мире домашней и имперской политики, рабочего и феминистического движений жизнь женщины отражала социальный облик XIX столетия: женщины были революционерками и феминистками, борцами за национальную независимость, занимались миссионерской деятельностью, участвовали в забастовках. Именно обращение к публичной сфере подводит нас к исследованию женских свобод.

Заключительная глава книги посвящена событию, которое традиционно считается как последним рубежом XIX века, так и переломом на долгом пути женщин к свободе, — Первой мировой войне. Меня интересует, действительно ли эта война была поворотной точкой, когда ограничивающая гендерная идеология XIX века трансформировалась в свободу века XX. Ответ на этот вопрос, как и предшествующий ему рассказ, очень сложен, но он дает основания для оптимизма.

ОБЛИК ЖЕНЩИНЫ

Ч А С Т Ь П Е Р В А Я

I. Тело, разум и дух

На самосознание и положение женщины влияет то, как ее воспринимают другие. Это означает, что язык, используемый для описания женщины, представлений о ней и ее системе ценностей, так же важен для ее самоопределения, как экономическое и социальное окружение. Для выявления структурообразующих факторов мира женщины необходимо обратиться к его истолкованию, что и делает первая часть данной книги, в которой рассматривается, как в конце XVIII — начале XIX веков женщина и ее роль виделись философам, ученым, писателям и самим женщинам. Тело, разум и место в обществе — вот те составляющие, которые показательны для понимания отношения к женщине. Не менее значимы каждодневные поступки и письменные свидетельства женщин: они подтверждают или опровергают теоретические умозаключения.

Большая часть вербальной системы современного мира восходит к эпохе Просвещения. Для многих историков именно Просвещение и XVIII век знаменуют поворот от тьмы и отсталости к свету, символами которого полагают рационализм, науку и знание. Центром просветительской идеологии была Франция, и оттуда примерно в течение 70 лет она распространилось на большую часть Европы, от Эдинбурга до Санкт-Петербурга. Просвещение означало интеллектуальный, философский и научный пересмотр представлений о человеке и физическом мире и характеризовалось желанием на основе новых идеалов изменить прежнее мировоззрение. Устаревшие представления оспаривались. Писателей и мыслителей эпохи Просвещения занимал человек — его благосостояние, семья, брак и взаимоотношения полов. Новая идеология считается границей между ранним и современным периодами новейшей истории Европы, между старым и новым временем.

Эпоха Просвещения оказала воздействие и на женщину, модернизировав ее облик. Однако особенности этого нового облика не следует абсолютизировать. Наследие эпохи противоречиво. Необходимо разделять веру эпохи Просвещения в природные права личности и аргументы в защиту этих прав. Джейн Рендалл замечает: «И феминистов, и их оппонентов наследие Просвещения приводит в одинаковое замешательство»¹. Революционный потенциал Просвещения многоаспектен и касался брака, семьи, прав личности, политики, законов природы, однако практически не распространялся на взаимоотношения полов. Различия полов были переосмыслены, но не опровергнуты; неравенство было поставлено под

сомнение, но не отменено. На каждого писателя (вне зависимости от его половой принадлежности), поднимавшего вопрос о возможности эмансипации женщин, находились те, кто отстаивал существующее неравенство полов. Некоторые, как Монтескьё, умудрялись сочетать веру в природную слабость женщины с призывами к ее независимости и равенству полов, но большинство полагали, что природа женщины склоняет ее к страсти и иррационализму, а ее биология доминирует над разумом. Истинно смелые и революционные предложения философов в отношении женского статуса расценивались как маргинальные, не в последнюю очередь потому, что вопрос взаимоотношения полов был скорее побочным продуктом споров о природе и источнике различий, чем отдельной проблемой. Французский математик и философ маркиз де Кондорсе* (1743–1794) ставил под сомнение абсурдность отказа женщинам в гражданских правах, а его современник, прусский писатель Теодор Готтлиб фон Гиппель** (1741—1796), требовал наделения женщин равными политическими, образовательными и профессиональными правами. В известном смысле эпоха Просвещения перевернула традиционные представления о природе женщин: в семье ей (как жене и матери) приписывался новый статус, который экстраполировался и на социальную жизнь, однако ее роль все еще жестко (если не в большей степени, чем прежде) ограничивалась. И гражданские права также не распространялись на женщин, европейское общество еще не было готово признать их. Оно предпочитало язык различий полов, а не язык равенства, угрожавший стабильности как в домашней жизни, так и в политической.

Нельзя недооценивать данную идеологическую революцию исходя лишь из несообразности ее подхода к положению женщины. Эпоха Просвещения отразилась на женщинах, повлияв на всех, но лишь немногие сумели воспользоваться этой беспрецедентной возможностью и бросить вызов общепринятому мировоззрению. Кто-то принял участие в интеллектуальном брожении, открыв двери своих салонов для полемики и споров и создав пространство, в котором нуждались женщины, чтобы «поразмыслить о себе». В Лондоне Элизабет Монтегю (1720—1800) стала известна как зачинатель движения «Синий чулок»***, названного так

* Кондорсе Жан Антуан Николá — математик, социолог, философ, политический деятель. С 1785 г. секретарь Французской академии, сотрудничал в «Энциклопедии» Д. Дидро и Д'Аламбера. Стронник деизма, сенсуализма и концепции исторического прогресса; автор работы «Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума» (1794).

** Автор трактата «Об улучшении статуса женщин» (1792).

*** Общество, существовавшее в Англии в 1780-х гг; на его собраниях происходили интеллектуальные беседы на научные, литературные, общественные и прочие темы. Голландский генерал Боскавен в бытность свою в Англии на-

потому, что на своих литературных собраниях она разрешила этот предмет туалета вместо принятых черных шелковых чулок. Мадам Дю-Деффан* и мадам Неккер** в Париже, Рахель Левин Варнхаген*** (1771–1833)

звал его обществом синего чулка, так как душою бесед был ученый Бенджамин Стеллингфлит, который, пренебрегая модой, при темном платье носил синие чулки. По другим источникам среди женщин там особенно отличалась некая Стилингфлит, которую называли «blue stocking», потому что она носила синие чулки. С тех пор название общества превратилось в устойчивое выражение, используемое как неодобрительное обозначение женщины, погруженной в книги, умственные занятия, поглощенной научными интересами и лишенной обаяния и женственности.

* Дю-Деффан, Мари де Виши Шамро (1697–1780), маркиза, известна своей перепиской с Вольтером и писателями XVIII века, а также ролью, которую она играла в светской и культурной жизни Парижа и Европы. Еще будучи воспитанницей монастыря, она поражала окружающих редким умом и рано проснувшимся скептицизмом. Со своим мужем маркизом Дю-Деффаном она довольно быстро разошлась и стала вести шумную светскую жизнь, исполненную романтических приключений. В 56 лет от роду ослепла и поселилась в монастыре Св. Иосифа, где имела особое помещение, в котором организовала блестящий салон. Его постоянными посетителями были Вольтер, д'Аламбер, Бюффон и др., а также известная писательница мадемуазель Леспинас (1732–1776), сделавшаяся ее лектрисой и близким другом. Замечательная собеседница, отзывчивая ко всем вопросам, волновавшим тогдашнее общество, маркиза была душой этого салона, и от ее слова зависела судьба и репутация многих его посетителей. С 1758 г. наступил новый период ее жизни, ознаменованный разрывом с m-lle Леспинас и большинством энциклопедистов и пламенной любовью к Горасу Вальполю. Переписка с Вольтером, энциклопедистами, Вальполем и др. обнаруживает тонкий ум, наблюдательность, независимость мысли, страстный темперамент маркизы и ее нежную душу, способность на глубокую и искреннюю привязанность и дружбу. Переписка маркизы Дю-Деффан неоднократно издавалась в Париже и Лондоне.

** Неккер Сюзанна (1739–1794) — жена министра финансов Жака Неккера (1732–1804), писательница; мать знаменитой писательницы Жермены де Сталь. Известно, что Дидро не советовал княгине Е. Р. Дашковой встречаться с Сюзанной Неккер в Париже, опасаясь, что взгляды мадам Неккер могут вызвать неправильное и опасное толкование Екатерины II.

*** Варнхаген Энзе Рахель фон, полное имя — Рахель Антония Фредерика Левин Маркус Роберт. Немецкая писательница. Родилась в Берлине в богатой еврейской семье, ее отец был ювелиром. Воспитывалась в духе ортодоксального иудаизма. От детства и юности у нее остались столь тяжкие воспоминания, что после смерти отца в 1795 г. Рахель порвала со всем, что связывало ее с отцовским домом, в том числе с религией, и целиком окунулась в атмосферу жизни, еще недавно ей недоступной. Обладая блестящим умом и романтической натурой, она превратила свой дом в своего рода культурный центр, где собирались литературные знаменитости, общественные и политические деятели, среди которых были Шеллинг, Фихте, Гумбольдт, Генрих Гейне, Виктор Гюго и другие ее выдающиеся современники. Многие из них посвятили

в Берлине организовывали собрания интеллектуалов, помогая создавать культуру, поощряющую свободу мысли². Женщины внесли свой вклад и в науку. Физик Лаура Баси* (1711–1778) и математик Мария Аньези** (1718–1799) прославились в университете Болоньи. Однако гораздо больше было тех, чьи усилия так и не были оценены по достоинству, во всяком случае современниками. В 1786 г. англо-немецкий астроном Каролина Гершель*** (1750–1848) открыла комету, однако признание к ней пришло гораздо позже и не за собственное открытие, а за помощь в работе ее брату Уильяму.

Однако на большинство женщин эпоха Просвещения воздействовала иным образом. Они активнее, чем мужчины, участвовали в литератур-

хозяйке салона свои стихи. С 1806 г. литературный кружок, собиравшийся в ее салоне, был центром свободомыслия, литературы, искусства, науки и общественной жизни. Личная жизнь Рахели была полна событий, среди которых были и печальные, сказавшиеся на ее мироощущении и настроениях. Ее близкий друг принц Луи-Фердинанд (племянник короля Фридриха Великого) погиб в стычке с французами. В 1819 г. в возрасте 42 лет Рахель вышла замуж за дипломата и писателя Карла Варнхагена фон Энзе, который был на 14 лет моложе нее, и приняла его веру — протестантизм. Литературное наследие Рахели невелико; после ее смерти родственники издали ее переписку и дневник. Образ этой умной, романтической, печальной и глубоко отзывчивой женщины спустя 120 лет воссоздала известная писательница Ханна Арендт в книге «Рахель Варнхаген — жизнь еврейки» (1957).

* Лаура Баси преподавала физику более 25 лет. Слава женщин-профессоров Болоньи гремела по всей Италии.

** Аньези Мария Газтана родилась в Милане. Под руководством отца, профессора Болонского университета, изучала математику, древние и восточные языки. В 1750 г. заняла кафедру математики в Болонье. В книге «Основания анализа» (1748) доказала, что любое кубическое уравнение имеет три корня. В ее честь плоскую кривую, выраженную уравнением $Y=a^3/(x^2+a^2)$, назвали «локон Аньези».

*** Гершель Каролина Лукреция родилась в Ганновере. В 1772 г. по приглашению своего старшего брата Уильяма Гершеля приехала в Англию и в течение 40 лет была его неотлучной помощницей. В первые восемь лет Уильям Гершель, занимаясь музыкой и Каролина исполняла в качестве певицы все его музыкальные сочинения. Позже она оказалась вовлечена в занятия брата астрономией, ассистировала ему в наблюдениях и вела записи. В свободное время Каролина Гершель самостоятельно наблюдала небо и уже в 1783 г. открыла три новых туманности, а в 1786 г. — новую комету. Это была первая комета, обнаруженная женщиной, за ней последовали еще несколько. После смерти Уильяма Гершеля в 1822 г. Каролина вернулась в Ганновер, но не оставила астрономии. К 1828 г. она закончила работу над каталогом 2500 звездных туманностей, наблюдавшихся ее братом; в связи с этим Королевское астрономическое общество Великобритании наградило ее золотой медалью. В честь Каролины Гершель названы астероид Лукреция (281) и кратер на Луне.

ной жизни и распространении знаний. Женская грамотность, особенно в городах протестантской Европы, росла быстрее, чем мужская. Например, в Амстердаме в 1780 г. умели читать две трети женщин по сравнению только с одной третью в 1630 г.³ Хотя общий уровень грамотности женщин отставал от мужского, их информированность об отношении полов возрастала, и этому способствовали газеты, уличные афишки и листовки, литературные произведения, в том числе баллады, романы, а также журнальная публицистика. «Под женскими куафюрами* кроется не меньше мыслей, чем под мужскими париками, — настаивала женщина-редактор парижского дамского журнала „Journal de Dames“ в 1761 г. — Мы способны рассуждать не хуже мужчин»⁴. Спектр тем, волнующих женщин, был огромен: австрийскую поэтессу Габриель Баумберг** (1766–1839) тревожило то, что удобство брака душит в женщинах выражение сексуального желания, а английская республиканка Катрина Маколей-Грэм*** (1731–1791) была одной из первых поборниц образования для девочек⁵. Элиза Хейвуд**** (1693–1756) в Англии учредила первое периодическое издание для женщин, в которое писали сами женщины. Ее журнал «Female Spectator» выходил в 1744–1746 гг. Его темой были трудности, связанные с жесткими ограничениями, накладываемые на женщин обществом. Он также противопоставлял «жизнь разума» подчинению мужу. Отсутствие образования отнимало у женщин возможность такого рода компенсации. Хейвуд писала: «Почему они называют нас глупыми женщинами и не стремятся сделать нас иными?.. Мы живем в свободной стране, следующей принципам христианской морали, которая уверяет, что чистые помыслы ведут к бессмертию души. Однако лучшее, что в нас есть, — наш разум, и он остается совершенно невозделанным; наподобие заброшенной пашни, он не дает иных всходов, кроме ядовитых сорняков»⁶. Позже появилось множество романов, написанных женщинами. Среди них произведения Джейн Остин (1775–1817)

* Coiffure (*фр.*) — прическа; в моде XVIII века — высокая сложная женская прическа, составляющая единое целое с головным убором.

** Популярная в свое время английская писательница и поэтесса; жена венгерского поэта и просветителя Яноша Бачаньи (1763–1845). Приобрела известность своими «Стихотворениями» (Вена, 1800) и поэмой «Амур и Психея» (Вена, 1807).

*** Английский историк и философ, одна из первых феминисток. Известна своей политической активностью. Ее «Letters on Education» («Письма об образовании») написаны в 1790 г., за два года до «A Vindication of the Rights of Woman» («Защита прав женщины») Мэри Уолстонкрафт.

**** Популярная в свое время английская писательница. Известен ее роман «История Джемми и Дженни Джессеми».

и Софии Ларош* (1731–1807). Их замечательные героини переживали все противоречия и ограничения, которые испытывали женщины в конце XVIII века. Женщины говорили, писали и читали о себе так, как не делали этого никогда ранее. Они были погружены в собственные мысли.

Конечно, интеллектуальные сдвиги, вызванные эпохой Просвещения и Великой французской революцией, более воздействовали на науку, медицину и культуру, чем на гражданские свободы и политику. В конце XVIII века в представлениях о женщине произошли неоднозначные изменения. Они отразились в спорах о женском теле и соотношении телесного и умственного, которые в свою очередь привели к полемике о роли женщины в семье и обществе. В XIX веке центральной для представления об идеале женщины стала новая концепция женского религиозного благочестия и семейственности, и она оказала существенное влияние и на облик женщины, и на ее образ жизни. Перемены затронули женщин в разной степени и в разное время, однако, к концу XIX века почти не осталось мест, куда не проникли бы, пусть и в упрощенном виде, идеи эпохи Просвещения.

ТЕЛО

Первичным для просветительской конструкции женского облика было тело. Именно оно — исходный объект изучения женщины в XIX веке, потому что биология, а точнее, способность к репродукции, использовались как аргумент при широкомасштабной переоценке отношения к природе и роли женщины. Физиологией определялись моральные и общественные различия между полами. Гендерные роли в свою очередь связывались с функциями тела, при этом женское тело оказывалось предметом пристального внимания. Руссо справедливо замечал: «В ближайших последствиях полового различия [секса] не существует никакого равен-

* Ларош София, урожд. Гуттерман — немецкая писательница, дочь врача. Издавала «Ежемесячный журнал для немецких дочерей». Широкую известность приобрела написанным в манере Ричардсона романом в письмах «Geschichte des Frauleins von Sternheim» («История девицы фон Штернгейм», 1771), где изображены переживания девушки, которая принуждена выйти замуж за недостойного и нелюбимого человека. Современная критика признавала за Ларош большое мастерство в изображении человеческих страстей и чувств. За названным произведением последовали: «Moralische Erzählungen» («Рассказы о нравственности», 1782), «Geschichte von Miss Long» («История мисс Лонг», 1789), «Schones Bild der Resignation» («Прекрасная картина отречения», 1795), «Melusinens Sommerabende» («Летние вечера Мелузины», 1806) и др. Этими произведениями Ларош кладет начало немецкому роману для семейного чтения, в котором значительное место уделено нравственному поучению и культу бюргерской добродетели.

ства между полами. Самец [мужчина] бывает самцом [мужчиной] лишь в известные моменты, самка [женщина] же остается самкой [женщиной] всю жизнь... ей все беспрестанно напоминает о ее поле»^{*7}. Положение женщины не может быть независимым от ее физиологической функции.

Вера в то, что женщины порабощены своими телами, являлась исторической константой. Слова одного немецкого протестанта XVI века о том, что женщины «безвозвратно попали в ловушку своей биологии, стали рабами сексуальности, которая разрушила их рассудительность и вывела из равновесия их здоровье», предопределили большую часть идеологием XIX века, приравнивающих физическую слабость женщин к их умственной несостоятельности⁸. Впоследствии изменилось в первую очередь то, что женское тело «в его научно доступной конкретности... приобрело невероятно важное новое значение»⁹. Еще одним нововведением стала убежденность части медиков в том, что тело (а косвенно и разум) женщины может быть предметом врачебного наблюдения, лечения и контроля¹⁰.

Ранее XVII и XVIII веков превалировало античное представление о женском теле. Господствующая тогда модель мужского и женского тел была сформулирована Галеном** (II век). Согласно ей строение женского организма не отличалось, по сути, от мужского, а женские половые органы являлись зеркальным отражением мужских, но были расположены внутри тела. Так, яичники отождествлялись с яичками, а влагалище — с пенисом. «Выверните наружу женские [органы], а, так сказать, вовнутрь — мужские [органы] и совместите, и вы во всех отношениях найдете их сходство»¹¹. Однако эта «однополая модель» человека не подразумевала равенства, так как в ней приоритет отдавался мужчине, или нормальному полу; женщина же являлась разновидностью нормы, то есть вторичным созданием, лишенным мужской силы или энергии, таким образом, несовершенным. Существовало множество историй о превращении женщин в мужчин в силу обстоятельств. В одной такой истории XVI века, выдаваемой за подлинную, рассказывается о женщине-свинопасе, которая, преследуя свинью, перепрыгнула через канаву, и у нее неожиданно развились мужские гениталии вследствие повышенной активности и выделенной из-за перенапряжения энергии. Подобные истории способствовали не только вере в перемену пола, но и в идею по-

* Цит. по: Руссо Ж.-Ж. Педагогические сочинения: В 2 т. Т. 1. М.: Педагогика, 1981. С. 437. Далее произведения Ж.-Ж. Руссо цитируются по этому изданию с указанием страницы.

** Гален (ок. 130 — ок. 200) — древнеримский врач. В классической работе «О частях человеческого тела» дал первое анатомо-физиологическое описание целостного организма, обобщив представления античной медицины. Под влиянием учения Галена естествознание находилось вплоть до XV–XVI веков.

ловой иерархии, потому что, как писал один рассказчик XVII века, «природа всегда стремится к тому, что является совершенным и, напротив, не способствует превращению совершенного в несовершенное»^{*12}.

В этой концепции, бытовавшей до эпохи Просвещения, женщина рассматривалась как существо более слабое не только телом, но и разумом. Тело женщины было нестабильным, она не могла контролировать его из-за заключенных в нем борющихся демонических сил. Подобное отношение наиболее сильно проявилось в образе блуждающей матки: считалось, что случающиеся у женщин приступы истерии связаны с заболеванием, при котором матка перемещалась по телу, потому что не могла находиться в предназначенном для нее месте. Таким образом, психологические недомогания связывались с физическими изменениями в организме, а разум женщины считался неустойчивым и неспособным к рассуждениям. «Ее разум и суждения так же непостоянны и переменчивы, как погода», — сказал один муж о своей жене в 1713 г.¹³

К середине XVIII века начались изменения. На место однополой модели человечества пришла двуполая, которая акцентировала не одинаковые черты, а различия между полами. Женские репродуктивные органы более не рассматривались как несовершенная версия мужских, а обрели самостоятельность. Таким образом, половой иерархии ранних периодов Нового времени, основанной на представлениях о мужской энергии и силе, а также женской холодности и слабости (мужская целостность и женская противоречивость), пришло на смену понимание различия полов по биологическим признакам и особым функциям. Эпоха Просвещения и, тем более, медицинские и научные исследования анатомии и физиологии пола способствовали такой переоценке. Когда поняли, что женское тело не является инверсией мужского, что его скелет тоньше, таз шире, а репродуктивные органы совершенно иначе устроены, возникла необходимость обсуждения конкретных половых различий. Более не существовало никаких промежуточных вариантов и поводов для неопределенности. Теоретически старая иерархия, считавшая женское тело разновидностью мужского, подлежала утилизации, так как различия между двумя полами стали очевидны для всех. Однако в XVIII веке писатели использовали телесные и физические различия в большей степени, чем когда-либо, чтобы объяснить и узаконить культурное и политическое неравенство полов. Действительно, если до начала XVIII века статус женщины подчеркивали такие культурные признаки, как длинные волосы девственницы и покрытая голова замужней женщины, то теперь только пол имел значение для определения статуса личности и ее

* Баугин Гаспар, или Каспар (1560–1624) — швейцарский врач, анатом и ботаник.

предназначения. Врачи и ученые сыграли главную роль в переосмыслении пола; их открытия, вытекающие из законов природы, а не из метафизики или религии, послужили основой для новой концепции взаимоотношений мужчин и женщин. Анатомические отличия были признаны естественными: более тонкая нервная система женщин делала их чувствительнее мужчин; хрупкое строение — похожими на детей; репродуктивный цикл объяснял их психологическую уязвимость, а меньший объем черепа и головного мозга ограничивал способность к умственному напряжению¹⁴. Наука сумела объяснить особенности строения женского тела, но мало что изменила в отношении к женщине как рабыне своего тела. Подобное восприятие мужчины было невозможно. Революция в медицине и науке была не только далека от разрушения половых стереотипов, но способствовала их укреплению¹⁵.

В эпоху Просвещения женщина уже не считалась, как прежде, несовершенным мужчиной, а рассматривалась как существо иного рода¹⁶. Однако из этого делался своеобразный вывод: если мужчина, полагали в то время, способен вырваться из плена своего тела и пола, то женщине это не по силам. Для женщины тело и разум взаимосвязаны, ее разум подчинен физическому состоянию, что имеет двойные последствия. Во-первых, постулат о неразрывной связи разума женщины с ее репродуктивной функцией лил воду на мельницу концепции обособленных сфер, а экстраполяция представлений о половых особенностях на общественную и экономическую жизнь укрепляла веру в то, что женщине органичнее частная, или домашняя, сфера, а мужчине — общественная, гражданская или политическая. Во-вторых, неразрывность связи «разум — тело» узаконивала отношение к женскому телу как к полю битвы разнообразных теорий и представлений. К концу XIX века восприятие женского тела в общественном сознании утратило такие черты, как своенравие и неуправляемость, перестало считаться вместилищем демонов и непостижимых сил, и превратилось в объект медицинского интереса, исследования и контроля. Новое время видело в теле, и женском в том числе, форму выражения пола, определявшего личность и предназначение.

Новое понимание тела в эпоху Просвещения не сказалось на физических и психологических ограничениях женщин. Фактически женское тело все больше становилось ареной борьбы, но не демонов (как думали раньше), а врачей и ученых, пытавшихся узурпировать толкование функций и метафизики женского тела. Возник и увеличивался разрыв между субъективным пониманием женщиной своего тела, основанным на собственных и традиционных наблюдениях над ним, и представлениями, подтвержденными научными знаниями и опытом. До того как раздались голоса ученых мужей, женщины полагались на личные ощу-

щения. Например, только беременная женщина могла знать, когда плод начинал шевелиться. Этот момент, когда будущая мать чувствовала шевеление своего ребенка, означал рождение души. С конца XVIII века медики начали медленно «овладевать» женскими телами, захватывая то, что прежде являлось областью, контролируемой самими женщинами на основании визуальной или чувственной оценки. В результате авторитет толкования перешел от «нее», чувствующей свое тело, к «нему», наблюдающему симптомы. То, что ранее относилось к «частной и скрытой от чужих глаз реальности, превратилось в общественное достояние»¹⁷. Природное предназначение женщины определялось как причина ее специфических недомоганий, а ее тело стало предметом публичного обсуждения¹⁸. Хотя власть природы над женщиной все еще почиталась господствующей, но теперь медики полагали, что у них есть право и основания для активного вмешательства, ведь женщина (как и природа) могла быть «лишена покрова, раздета и потревожена мужской наукой»¹⁹.

«Женщина является таковой каждой частицей своего существа, а не только своей маткой... женщина — это воплощение материнства»²⁰, — утверждал в 1874 г. французский врач Бернац*, и это мнение проникнуто идеологией, оценивающей женщину с позиций ее половой принадлежности. Ко второй половине XIX века в медицинском и научном сообществах превалировало убеждение, что ключом к пониманию физических и умственных особенностей женщины является репродуктивная система. Женственность и женское тело едины, иначе не бывает. Женщина описывалась как рабыня своего тела, месячного цикла, особых репродуктивных функций и выделений. По всей Европе врачи разрабатывали теорию о врожденной неполноценности женщин. Примечателен комментарий французского историка Мишле** (1798–1874) о том, что менструация превращает женщину «не только в больную, но и в увечную»²¹ на 15–20 дней из 28. Другой врач из Германии писал, что «каждый месяц она [женщина] на несколько дней становится ослабленной, если не совершенно больной»²². Беременность и роды также считались в медицин-

* Бернац Густав-Луи-Ришар (1819–1887) — знаменитый французский гинеколог.

** Мишле Жюль — французский историк, служил смотрителем королевских архивов. Автор многочисленных книг по истории Франции, в том числе Французской революции. Ряд сочинений Мишле переведены на русский язык, в том числе: «Обозрение новейшей истории» (СПб., 1838); «История Франции в XVI в.» (СПб., 1860); «Краткая история Франции до Французской революции» (СПб., 1838); «Реформа. Из истории Франции в XVI в.» (СПб., 1862); «Женщина» (Одесса, 1863); «Море» (СПб., 1861); «Царство насекомых» (СПб., 1863); «Птица» (СПб., 1878); «История XIX в.» (СПб., 1883–1884, под ред. М. Цебриковой) и др.

ском сообществе патологическими состояниями. И действительно, для многих женщин, особенно из среднего класса, болезненность превратилась в образ жизни²³. Даже менопауза не приносила облегчения. Общее мнение связывало окончание женской плодовитости с концом женственности, а некоторые специалисты полагали, что «многие женщины, прошедшие без серьезного нервного расстройства через половое созревание и вынашивание детей, непременно сорвутся в период менопаузы»²⁴.

Также считалось, что репродуктивная функция и половая принадлежность женщины определяют не только ее физическое состояние, но и состояние рассудка. Один парижский медик сказал в 1890 г., что даже если оставить в стороне боли, в период менструации «состояние рассудка женщины варьируется от легкого психоза до абсолютной невменяемости»²⁵. То, что врачи определяли как связанную с полом особенность психологии, предрасполагало, по их мнению, женщину к душевным болезням и подтверждалось различными нервными заболеваниями, включая истерию, нервную анорексию*, повышенную возбудимость и другие неврологические нарушения, которые во второй половине XIX столетия производили впечатление эпидемии, особенно среди представительниц среднего класса. Одновременно убежденность, что болезненность присуща женщине от рождения, подкреплялась идеологией женственности, ограничивающей роль и возможности женщин и диктующей им, что они обязательно заболеют, если попытаются изменить свое предназначение.

Ошибочные представления о заболеваниях, вызванных нарушениями деятельности матки, существовали еще во времена Древнего Египта. К XVIII веку причины психологических расстройств усматривали в заболеваниях матки как, так и нервной системы. В XIX веке истерия стала диагнозом, который ставили исключительно женщинам, по большей части принадлежавшим к среднему классу и страдавшим от ограничений, связанных с половой принадлежностью и идеализацией женственности, не только физически, но интеллектуально и культурно. Истерия подразумевала множество симптомов: обмороки, головокружение, учащен-

* *Anorexia nervosa* (лат.) — серьезное заболевание, чаще всего наблюдаемое у девочек-подростков и молодых женщин. Характеризуется потерей веса, чрезмерным страхом полноты, искаженным представлением о своем внешнем виде и глубокими обменными и гормональными нарушениями. Возможны также утрата аппетита, прекращение менструаций, повышенная физическая активность, а иногда и усиление аппетита с искусственно вызываемой после еды рвотой, излишняя озабоченность пищей и ее приготовлением, приступами обжорства с последующим стремлением к похуданию. Больные зачастую упорно отрицают наличие у себя каких-либо связанных с приемом пищи нарушений, хотя нередко полностью отказывается от пищи. В сложных случаях требуется госпитализация, потому что существует реальный риск смерти. Бывают случаи самоубийства.

ное сердцебиение, повышенную утомляемость, нарушения речи, а также капризы и непокорность — все это рассматривалось как признаки нарушения деятельности матки, влиявшие на организм женщины в целом. С точки зрения медиков, причины нарушений заключались в неспособности следовать путем, предначертанным природой. Так, женщина, лишенная мужского общества, то есть воздерживающаяся, была предрасположена к истерии, равно как женщина образованная или борющаяся за самостоятельность. В 1880 г. в Париже господствовало мнение, подкрепленное авторитетами, что «там, где представительницы низших слоев общества или буржуазии получают образование, не свойственное их социальному положению, истерия наблюдается особенно часто»²⁶. Экзальтированные дамы, упражняющие свой разум, угрожали стабильности, привычному распределению ролевых функций и были первыми кандидатками на этот диагноз²⁷. По мнению врачей, специализировавшихся на женских нервных расстройствах, лечение заключалось либо в замужестве и детях, либо в полном покое и исключении любой чувственной стимуляции. Изоляция в затемненной комнате без чтения или посетителей, диета, состоящая из протертой пищи, регулярный массаж тела и отсутствие физических упражнений рекомендовались в качестве терапии для женщины, испытывающей конфликт тела и разума. Лечение покоем предположительно вводило разум в состояние апатии и полного подчинения, в результате чего со временем пациентка смирялась с предназначенной ей ролью покорной жены и матери. Однако порой такое лечение становилось для женщины непереносимее симптомов, которые оно было призвано устранить, и предрасполагало к сумасшествию, становящемуся следствием отсутствия каких-либо умственных усилий²⁸.

Истерия была не единственным женским недугом, проистекающим предположительно из нарушений деятельности матки. Безумие и лунатизм, а также нервная анорексия определялись как состояния, обусловленные половой принадлежностью женщины. Однако историки феминизма справедливо обращали внимание на расхождения в толковании этих состояний и их сутью. С точки зрения физиологии, подобные недомогания были связаны с ношением тесных корсетов, тяжелой одежды, отсутствием физических упражнений и диетой, вызывающей малокровие, поэтому становится ясно, что такому роду заболеваний в значительной степени способствовал определенный женщинам образ жизни. Он прямо-таки подталкивал некоторых представительниц средних классов к болезни, а эта болезнь, в свою очередь, обуславливала их образ жизни. При отсутствии образования, скудости умственной деятельности и экономической зависимости, вечной необходимости соответствовать представлениям об идеале женственности, то есть казаться бледной, немощной и томной, болезнь становилась одновременно возмездием и криком

о помощи. Для девушек, страдающих нервной анорексией, утверждает Элейн Шоуолтер*, «физическое голодание было способом привлечь внимание к их умственному и нравственному голоду»²⁹. Присущая женщине болезненность не только ею принималась, но использовалась как средство возмущения против закрепленных обществом ограничений и стереотипов. Вряд ли, как полагали некоторые, женщины (или их адвокаты) специально симулировали истерию и другие нервные заболевания, чтобы преуспеть при защите от обвинений в целом ряде преступлений — от мелкого воровства до убийства, но вера во внушаемость, слабость и склонность женщины к неконтролируемым действиям в минуты временного помешательства привела к тому, что в конце XIX века суды выносили им явно снисходительные приговоры³⁰.

Женщины попали в двойной капкан. К 1850 г. в медицинских кругах было настолько сильно убеждение во взаимосвязи головного мозга, или разума, и женской сексуальности, что считалось, если у женщины не наблюдается нервного заболевания, то у нее должны начаться гинекологические проблемы. Врачи утверждали, что заболевания репродуктивной системы наверняка вызваны женской эмансипацией, а избыточная умственная деятельность, образование и общественная активность ведут к атрофии репродуктивных органов, другими словами, лишают женщину пола. Точно так же непокорная женщина или та, чье поведение не отвечало принятому идеалу женственности, считалась кандидатом на инвазивное хирургическое вмешательство. Начиная с 1860-х гг. хирурги выполняли клиторидэктомию (хирургическое удаление клитора), овариэктомию (удаление яичников) и гистерэктомию (удаление матки) для лечения мастурбации, лунатизма и других так называемых нервных расстройств³¹. Горькая ирония заключалась в том, что хирургические операции на женских половых органах выполнялись для того, чтобы контролировать женщину и помочь ей находиться в рамках «правильного» поведения. Английский врач Исаак Бейкер Браун (1812–1873) прославился своими хирургическими операциями, демонстрирующими власть врача над женскими телом и разумом. Типичен случай миссис О., лечение которой доктор Браун начал в 1862 г. «Она заболела еще до замужества, за пять лет до него. Ей не нравилось общество мужа, она постоянно лежала на диване и лечилась, — писал Браун. — Убедившись в наличии непроизвольного возбуждения, я провел мою обычную операцию [клиторидэктомию]. У нее быстро прошли симптомы истерии, существовавшие ранее»³². Миссис О. родила двоих детей, ее здоровье окрепло.

* Современный английский историк, доктор наук, профессор, автор книги «The Female Malady: Women, Madness, and English Culture, 1830–1980» («Женское безумие. Женщины, безумие и английская культура. 1830–1980», 1985).

Для Брауна и его последователей такие операции помогали делать женщин «предсказуемыми, послушными, усердными и добродетельными»³³.

До сих пор мы говорили о понимании и восприятии женского тела со стороны, но не об осознании своего тела самими женщинами. Важно знать бытовавшие в прошлом представления, чтобы понять, какие именно ощущения испытывали женщины. Как напоминает нам Линдал Роупер, «сексуальные различия не являются исключительно темой для дискуссии, равно как они не относятся лишь к социальным факторам. Они имеют физическое значение»³⁴. Тело всегда было важно для историков феминизма, будучи для них не только темой и предметом дискуссий, но «зоной живого феминистского опыта, где рождалось и крепло сопротивление»³⁵. Однако как узнать, что думала женщина XIX века о своем теле, если очень немногие из них оставили письменные свидетельства о своем физическом опыте? Как справиться с несовпадением культурных представлений о теле и реального физического опыта? Барбара Дуден* утверждает, что в старомодном западном обществе женщины постигали свои тела, интерпретируя собственные физические ощущения. Таким образом, они узнавали о том, что заболели или забеременели, наблюдая за собой. В Саксонии даже в XIX веке все еще бытовало понятие о блуждающей матке: «Матка, ты, подлая, вернись, черт побери, на свое место». Это дает возможность предположить, что достижения в области медицины не слишком глубоко укоренились в общественном сознании³⁶. До 1800 г. существовала женская субкультура, оказывавшая сильное влияние на практику деторождения. Но после 1800 г. в этот чисто женский мир властно вторглись мужчины-врачи и хирурги. Женское тело всегда было предметом общественного внимания. Существовал ряд социальных и законодательных ограничений, идущих вразрез с собственным восприятием женщинами их репродуктивных функций³⁷. Но в раннем периоде Нового времени преимущество было на стороне женщин.

Позже приоритет был отдан внешним признакам, ощущения отошли на второй план. Таким образом, в интерпретации восприятия тела произошел сдвиг: главными стали не субъективные ощущения, а сторонние наблюдения, часто осуществляемые врачом-мужчиной³⁸. Эта трансформация, пишет Изабель Халл, «не просто подорвала относительную автономию восприятия женщиной своего тела, она изменила самоощущение человека того времени»³⁹. Раньше в случаях детоубийства женщина, вынашивающая внебрачного ребенка, могла убедительно отрицать свою беременность — перед собой и другими — невзирая на очевидные доказатель-

* Современный немецкий социальный историк, автор книги по истории тела «Geschichte unter der Haut: Ein Eisenacher Arzt und seine Patientinnen um 1730» («История под кожей. Врач из Эйзенаха и его пациентки. 1730 год», 1987).

ства обратного. В широком сознании отсутствие менструации не являлось признаком беременности, увеличенный живот мог интерпретироваться как результат кисты, застоя крови или смещения матки. В Новое время внешние признаки физического состояния и результаты врачебного обследования, указывающие на беременность, опровергали утверждения женщин. Медицинским заключениям отдавали предпочтение перед словом женщины. Когда в 1903 г. в Северной Шотландии Робину Ритч обвинили в сокрытии беременности, закон требовал, чтобы суд рассмотрел мнение врача, который не стал полагаться только на внешний вид Робины (увеличенный живот, отекавшие лодыжки). Обследовав ее, он обнаружил, что «матка ощутимо сокращается и расслабляется», а стетоскоп «уловил сердцебиение плода со скоростью 132 удара в минуту»⁴⁰. Показания мужчины-врача рассеяли сомнения в том, что Робина ждала ребенка.

Историки, пишущие о женщинах, рассматривают восприятие женщинами собственных тел, основываясь на этапах жизненного цикла — юность и взросление, замужество, материнство и старость. Это неплохая сама по себе схема, однако, чревата представлением о женщине лишь как о репродуктивной системе⁴¹. Нельзя отрицать, что медицина сильно повлияла на самовосприятие женщины, но необходимо было преодолеть представление о ней как о непременно болезненном существе, тем более что большинство европейек не относились к себе и своим телам таким образом. Рабочим в городе и деревне, беднякам мысль о том, что менструация выводит женщину из строя, вероятно, казалась просто смешной. Беременность и деторождение, которые, несомненно, нередко таили в себе опасность и предполагали боль, считали естественными событиями жизненного цикла женщины. Болезнь была роскошью, ее могли позволить себе лишь немногие работающие женщины; у экономически активных женщин не было времени на инвалидность. В рабочей среде у женщин крайне редко диагностировались симптомы истерии. В то же время религиозная доктрина и предрассудки влияли на то, как женщины воспринимали себя и свое тело. В неконтролируемом мире, мало подверженном достижениям науки и рационализму, некоторые распространенные верования имели немалое значение. Табу, связанные с вынашиванием ребенка, вошли в силу, когда беременность и роды были опасны. В Испании считались обычными запреты употреблять в этот период в пищу некоторые продукты, например, дары моря, зеленый салат и даже молоко. Повсюду во время беременности женщины старались не смотреть на определенных животных из страха родить уродливого ребенка. Родимые пятна на теле младенца связывали с тем, что мать дотрагивалась до запретных предметов, вступала в контакт с потусторонними силами или имела пристрастие к недозволенной пище. Если беременная смотрела на Луну, ее ребенок мог родиться лунатиком; если женщина всту-

пала в половой контакт во время менструации, то могла забеременеть монстром⁴². Эти верования можно рассматривать как часть знаний женщины, способ постижения мира и себя, которые помогали ей контролировать беременность в те времена, когда рождение мертвых или уродливых детей и материнская смертность были достаточно частым явлением и пугали людей. Как гласит одна эльзасская поговорка, «для родившей женщины небеса раскрыты в течение девяти дней», что указывает на постоянный страх смерти в послеродовом периоде⁴³. В религиозной практике женщине предписывалась очистительная молитва после родов (*churching* в Англии, *les relevailles* во Франции, *Muttersegen* в Германии): нужно было как можно скорее сходить в церковь; считалось, что недавно родившая женщина нечиста и может принести несчастье в любой дом, куда ступит ее нога. Этот обычай был чрезвычайно распространен и сохранялся вплоть до середины XX века в Англиканской церкви, а также у католиков Британии и Франции. Хотя с религиозной точки зрения это являлось ритуалом очищения, данное событие было также благодарностью за то, что женщина выжила после родов и возвращается к обычной жизни, то есть социальным событием, отмеченным в большой степени признательностью за сохранение жизни и плодовитость⁴⁴. В те времена заболевания, связанные с репродукцией, являлись ключевым, но не единственным фактором женского восприятия своего тела. В рабочей среде женщины чаще, чем мужчины, страдали хроническими заболеваниями, такими как туберкулез. Рак молочной железы был настоящим бичом еще в XIX веке. На преждевременное старение женщин влияли многочисленные роды в сочетании с тяжелым физическим трудом. В 1900-х гг. в одной деревушке в Бадене про крестьянок говорили, что они просто изнашиваются⁴⁵. Большинство европейских женщин продолжали воспринимать и интерпретировать свои тела в соответствии с собственными знаниями и физическими ощущениями. Пол неизменно связывался с идеей о социальных и культурных различиях. Таким образом, интерпретация вопроса о поле подтверждала идеологию обособленных сфер или трансформировались в представление о том, что мужчины и женщины самой природой предназначены для выполнения непересекающихся функций в общественной и частной жизни.

СОЗДАНИЕ ОБРАЗА ЖЕНСТВЕННОСТИ

В то время как мужчины-врачи XIX века занимались пересмотром представлений о женском теле и делали это с позиций научных достижений своей дисциплины, другие специалисты объединились для изменения взглядов на личность женщины и ее роль в обществе. Обе системы идей основывались на взаимосвязи женского тела и женской природы и ис-

пользовали для описания идеальной (и естественной) роли женщины ряд обусловленных этими представлениями категорий. В формировании образа женственности и взглядов на роль женщины внесли лепту церковные лидеры, писатели, философы, политические мыслители, педагоги, ученые. Своего апофеоза этот процесс достиг в XIX веке. В эпоху Просвещения наиболее убедительно о природе полов писал Жан-Жак Руссо: «При единении полов оба они в равной степени содействуют общей цели, но не одинаковым способом. Из этого различия рождается первая осязаемая разница между нравственными отношениями того и другого. Один [мужчина] должен быть активным и сильным, другой [женщина] пассивным и слабым; необходимо, чтобы один желал и мог, и достаточно, чтобы другой оказывал мало сопротивления. Раз установлен этот принцип, то из него следует, что женщина создана специально для того, чтобы нравиться мужчине. Мужчина в свою очередь должен нравиться ей, но это уже не столь безусловная необходимость: достоинство его заключается в силе; он уже тем одним нравится, что силен»* 46.

Это рассуждение суммировало широко распространенное убеждение в прямой связи между различиями полов и их социальными функциями. Именно Руссо, несколько эксцентричному писателю, философу и просветителю, приписывают популяризацию идеологии семейной жизни, романтики материнства и того, что в настоящее время описывается как обособление сфер, связывая с этими представлениями два его наиболее читаемых романа — «Юлия, или Новая Элоиза» (1761) и «Эмиль, или О воспитании» (1762). Но лишь в начале XIX века возникли и стали множиться дискуссии о роли полов, и особенно о женском вопросе. Обе темы превратились в священные элементы европейской культуры.

То, что получило известность как идеология обособленных сфер, подразумевало в том числе разделение женских и мужских ролей и функций, общественного и личного и предполагало ценность семейного очага, было скорее всего порождением индустриализованных обществ Западной Европы, а не творением одного человека — Жан-Жака Руссо. Несомненно, многие направления, сформировавшие этот набор идей, имели давнюю историю. Зависимость социальной роли от пола рассматривалась, по крайней мере, еще в XVI веке, когда Лютер объявил, что «женщинам следует оставаться дома; на это указывает то, как они созданы... У них широкие бедра и таз, чтобы сидеть на нем, следить за домом, вынашивать и растить детей»⁴⁷. Хвалы, которые возносились идеальной домашней хозяйке XVII века («целомудренная в своих помыслах, смелая, терпеливая, неутомимая, внимательная, прилежная, разумная, приятная в общении, постоянная в дружбе... мудрая в беседе, но не ча-

* Цит. по: Руссо Ж.-Ж. Педагогические сочинения... С. 433.

сто в беседах участвующая, обладающая пронизательной и бойкой речью, но не язвительная или болтливая»), в значительной степени сопоставимы с эпитетами, относимыми к идеальной жене и матери два века спустя, когда женщина воспевалась как «трудолюбивая, скромная, аккуратная, нежная, добрая и благочестивая»⁴⁸. Таким образом, историки в целом согласны с тем, что дискуссия о женственности не прекращалась несколько столетий, однако система взглядов на роль женщины сформировалась в начале XIX века и получила широкое признание. Именно в это время появился ряд путаных представлений, породивших стереотип женщины благочестивой и добродетельной, покорной и сдержанной, верной супруги и хорошей матери, чьи достоинства в равной степени важны и в домашней, и в общественной жизни. В 1844 г. шотландский «Free Church Magazine» писал как об идеале о женщине, которая «добра вследствие природной чувствительности, активна вследствие врожденной склонности, любезна вследствие характера... Усердие и активность, — в свою очередь прекрасные и важные качества; однако женщине-христианке следует быть очень осторожной, чтобы даже в достойном усердии не принести в жертву кротость и смирение, кои восхищают и являются причиной того, что женщин любят и защищают. Влияние женщины подобно солнечным лучам, оно должно проникать всюду и оказывать мягкое воздействие своим теплом, а не блеском»⁴⁹. Подобные рассуждения о женственности имели широкое хождение, и их можно было услышать и на проповеди священника, и из уст гувернантки и прислуги, а также прочесть на страницах дамских журналов. Идеал женственности связывался с определенными чертами характера, образом жизни и поступками. Женщинам предписывалось не демонстрировать «несчастливый характер», как это постоянно делала Энн Уилльямс, вымышленный персонаж, истории о которой под общим названием «Little Faults» («Маленькие грехи») печатал в 1854 г. британский религиозный журнал «The Daily Star». Энн, считающая себя «замечательной и экономной хозяйкой», была «бледной и тощей, с лицом, изборозженным глубокими морщинами, и с вечно нахмуренными бровями». Ее угрюмости противопоставлялось хорошее настроение ее гости, на чьем лице отражалась «искренняя теплота ее верного и любящего сердца». «Маленьким грехом» Энн был ее характер. Исполнительности, аккуратности и почтительности недостаточно; Энн осуждалась за ее нрав, который разрушает счастье семьи, заставляет страдать мужа, потому что в доме нет мира, а от постоянных ругани и ссор некуда деться, нельзя спокойно почитать или поговорить; кроме того, тяжелый характер женщины мешает счастью детей в доме. «Материнский долг состоит в том числе и в терпении»⁵⁰. Подобные предписания омрачали жизнь женщины XIX века, обрекали ее на бездействие и обязывали к материнству.

Но были и другие предложения, альтернативные, подразумевающие активность, образование и жизнь разума, а не только само собой разумеющиеся женские обязанности по дому и в семье.

В обилии романов, периодических изданий и памфлетов, печатавшихся в конце XVIII века, было много работ (причем женщины очень редко являлись их авторами), предлагавших более индивидуализированный и независимый образ женщины. Мэри Уолстонкрафт* (1759–1797) — пожалуй, самая известная писательница эпохи Просвещения. Ее эссе «*A Vindication of the Rights of Woman*» («Защита прав женщины», 1792) стало наиболее заметным сочинением того времени, тема которого связана с женским вопросом. Автор книги воодушевлена возможностями женщины и оспаривает точку зрения Руссо, ограничивающего роль женщины. Разумеется, Уолстонкрафт гораздо менее известна, чем Руссо, и читателей у нее было не так много. Но вся ее жизнь была вызовом среднему классу. Она отказалась от замужества, которое гарантировало ей безбедное существование и стабильное положение в обществе, и предпочла самостоятельность и писательский труд. Уолстонкрафт зарабатывала на жизнь учительством и журналистикой, путешествовала — одна, жила во Франции во время революции, родила внебрачного ребенка от Жильбера Имляя, одного из своих любовников, и попыталась покончить счеты с жизнью, прыгнув с Патнийского моста в Лондоне, узнав о его неверности. Все это было описано ее мужем Уильямом Годвином в откровенной посмертной биографии жены. Такой образ жизни отдалял писательницу от круга респектабельных читательниц. Много позд-

* Рано умершая английская писательница, автор незавершенного труда «Исторический и нравственный взгляд на происхождение и развитие Французской революции и на воздействие, которая она оказала на Европу» (1794) и также незавершенного автобиографического социально-психологического романа «Мария, или Несчастье быть женщиной», изданного в 1798 г., после смерти автора, ее мужем философом Уильямом Годвином (1756–1836), и ряда других произведений: «*Thoughts on the Education of Daughters*» («Мысли о воспитании дочерей», 1787); «*Original Stories*» («Поучительные рассказы для детей», 1788); переводов с французского и немецкого; статей для «*Analytical Review*» («Аналитического обозрения»). Ее статья 1791 г. «*A Vindication of the Rights of Man*» («Защита прав человека»), написанная в ответ на «Размышления о Французской революции» Э. Берка, привлекла к себе внимание. Годом позже она упрочила свою репутацию первой феминистки, выступив в свет эссе «*A Vindication of the Rights of Woman*» — страстный призыв дать женщине такое образование, которое обеспечило бы ей экономическую свободу и самоуважение. В августе 1796 г. сошлась с философом У. Годвином и 29 марта 1797 г. стала его женой; 30 августа у них родилась дочь, вторая Мэри Уолстонкрафт Годвин (впоследствии Шелли, тоже известная писательница), а 10 сентября 1797 г. старшая Мэри Годвин умерла от родильной горячки в Лондоне.

нее, уже в XIX веке, радикальную женскую концепцию Уолстонкрафт признали реальной моделью жизни, а не только вызовом обществу.

То, что писала Мэри Уолстонкрафт, было удивительным и замечательным для 1792 г. Ее оскорбил роман Руссо «Эмиль» и в особенности образ Софи, которая является лишь тенью главного героя. Софи полностью зависит от мужа и его образа жизни, не имеет ни собственного мнения, ни воли. По мнению Уолстонкрафт, такая женственность, означающая слабость и зависимость от мужчины, использующая образованность, только чтобы убажывать его, а не для самореализации или служения обществу, женственность, в которой красота ценится выше долга, не приносит пользы ни мужчинам, ни женщинам, ни обществу. Главная мысль «Vindication...» состоит в том, что женщина самостоятельна и разумна, способна выбирать свою судьбу, здраво мыслить и контролировать свои эмоции. Женщина по Уолстонкрафт — это зрелый и решительный человек, а не ласковый ребенок. Автор против воспитания, при котором девочек держали в невежестве и требовали от них невинности, обучали их искусству убажывания мужчин и скромности, а не готовили к жизни: «Было бы бесконечной задачей проследить разнообразие низости, заботы и печали, в которые вовлекает женщин превалирующее мнение о том, что они созданы для чувств, а не рассуждений, что их власть в очаровании и слабости... Из-за этой очаровательной слабости они полностью зависимы от мужчин (если только не преступают границы дозволенного), нуждаются в их защите и совете. Разве не удивительно, что, отказываясь от разумных обязанностей, прячась от усилий, направленных на развитие здоровья, они проявляют себя лишь затем, чтобы замаскировать свои недостатки и придать себе особую привлекательность в глазах сластолюбцев? Разве это укладывается в шкалу моральных ценностей?»⁵¹.

По мнению Уолстонкрафт, ключом к переходу от инфантилизма и униженности к независимости было образование, однако не то, которое отстаивал Руссо. Софи обучали тому, как нравиться мужчинам, «снискать их любовь к себе и почтение, воспитывать их в молодости, заботиться о них, когда они вырастут, давать им советы, утешать, делать жизнь их приятною и сладкою»⁵². Мэри Уолстонкрафт, напротив, полагала необходимыми при обучении девочек те же элементы, что и при обучении мальчиков; она действительно верила в правильность совместного обучения, а также в то, что детям обоих полов нужна равная свобода. «Мы не услышим ни о каких инфантильных настроениях, если девочкам позволят достаточно упражняться, а не будут держать запертыми в комнатах до тех пор, пока их мышцы не ослабнут, а пищеварение не нарушится»⁵³. Ограничения калечили умы и тела девочек.

* Руссо Ж.-Ж. Педагогические сочинения... С. 442.

«Животворный инстинкт, возбуждающий разум и тело, раскрывающий нежные бутоны надежды, гаснет и расходуется на пустые желания или дерзкие роптания, которые сокращают возможности и портят характер»⁵⁴. Уолстонкрафт презирала причины, по которым Руссо отвергал одинаковое образование. «„Учите женщин как мужчин, — говорит Руссо, — и чем больше они будут напоминать наш пол, тем меньше власти они будут иметь над нами“. Именно об этом я и говорю. Я не хочу, чтобы они имели власть над мужчинами; пусть властвуют собой»⁵⁵.

Женственность по Руссо не устраивала Уолстонкрафт. Писательница высмеивала высоконравственную, домовитую и покорную жену Эмиля. Женщина должна выйти из подчиненного и презираемого состояния! Приемлем материнский долг и обязанности по воспитанию детей. Нравственная, добродетельная женщина — это та, которая сумела реализовать свой потенциал в любой выбранной сфере, будь то замужество, материнство, работа или коммерция.

На первый взгляд противоречащие друг другу позиции Руссо и Уолстонкрафт, адресуясь к женщинам среднего класса, то есть к той социальной группе, с которой подобные идеи были более всего соотносимы, фактически дополняли друг друга. В первые десятилетия XIX века невежественная, праздная женщина, которую критиковала Уолстонкрафт, встречалась довольно редко. Эпитафия миссис К. М. Джоунс на надгробном камне возле деревенской английской церкви подтверждает то, что в женщине могли сочетаться добродетели и женственность, прославляемые Руссо, и независимость и феминизм, предпочитаемые Уолстонкрафт. Миссис Джоунс была женой местного священника и руководителя городской школы. Она умерла в 1775 г. в возрасте всего лишь 46 лет. Среди ее достоинств автор эпитафии отметил набожность и замечательную образованность, «благодати ее разума и достижений были в высшей степени выдающимися. Не было ничего приятнее ее манер, а ее сердце было храмом терпения. Все ее добродетели похоронены в этой могиле»⁵⁶. Из этих слов миссис Джоунс предстает обладательницей всех признаков женственности, как ее понимали в то время, то есть женщиной деликатной, скромной, образованной и набожной, не нуждавшейся в хитрых уловках и ложной скромности в обществе мужчин. А в XIX веке женская богобоязненность сулила добродетельность.

БЛАГОЧЕСТИЕ И ДУХОВНОСТЬ

Набожность является стержневой характеристикой для понимания европейской женщины XIX века. «Быть хорошей женой — высокое предназначение женщины, дарованное ей после грехопадения», — писал в 1860-х гг. епископ Бирмингемский⁵⁷. Точка зрения церкви на достоинства

женщины в XIX веке способствовала идеализации «истинной женственности». Дева Мария, конечно же, почиталась как образец женственности в католическом духовном сообществе: непорочная, смиренная и нежная, образцовая жена и мать. Мария являет собой «постоянное, непреложное и абсолютное», «совершенную женственность», образец, которому должны следовать все жены и матери, все настоящие женщины⁵⁸. В Русской православной церкви покорность и молчаливость считались достоинствами хорошей жены и добродетелями. Протестанты почитали не столько Деву Марию, сколько идеализировали набожную жену и мать, хранительницу веры, устанавливающую сокровенные отношения с Господом, оказывающую нравственное влияние не только на свою семью, но и на общество в целом. «Библия возвела ее на трон... женщина является королевой домашнего очага, верховодит в этом занятом царстве, где главенствуют любовь и нежность, утонченность мысли и чувства»⁵⁹.

Нельзя недооценивать роль религии. Это касается места и церкви как института, и религиозных исканий в жизни европейской женщины рассматриваемого столетия. С точки зрения нерелигиозного XXI века, легко либо недооценить значение религии, либо рассматривать ее как универсальный инструмент угнетения женщины. Церковь была патриархальным идеологическим институтом, который не только исключал участие женщины во власти, но и узаконивал социальные и нравственные ограничения, среди них — «культ истинной женственности», принуждавший женщин к ведению домашнего хозяйства и подчиненному положению⁶⁰. По словам Барбары Тейлор, «стоило Господу устроиться в гостинице, как в обществе воцарился Маммона». Подобная интерпретация рассматривает феминизацию религии как легитимизацию обособления сфер⁶¹. Историки обычно полагают, что христианские принципы ограничивали прогресс феминизма. Однако недавние исследования отношений женщин и религии признали огромную важность религии в жизни женщин XIX века, их участия в деятельности церкви и религиозных исканиях. Гейл Мальмгрин утверждает: «Если историки, пишущие о женщинах, будут игнорировать религию... нам придется поплатиться за это пониманием духовной вселенной, имеющей несомненно огромную важность для верующих женщин»⁶². Для историка Нового времени, как и для исследователя более ранних периодов, необходимо учитывать роль религии в мировоззрении женщин.

Девятнадцатое столетие заметно изменило иерархию взаимоотношений женщин и религии. Христианская церковь всегда уделяла особое внимание женщине и ее духовной, частной, приватной жизни и ежедневно наставляла ее на путь добродетели, хотя в Новом времени отмечались периоды возросшей мужской набожности. Когда немецкий поэт

XVI века Ганс Сакс* (1494–1576) писал о послушании и смирении, покорности, вере, истинной и благословенной, он имел в виду качества, присущие не набожной женщине, а мужчине⁶³. Но в начале XIX века набожность была феминизирована, и религия стала сферой женщин. Женщины чаще мужчин посещали церковь и соблюдали религиозные обряды как у католиков, так и у протестантов, и это считалось обычным. Сам образ набожной женщины изменил стереотип представлений о ней как о сосуде зла⁶⁴. Набожность как привилегия пола либо становилась для женщины фактором ограничения, либо наделяла дополнительными возможностями и давала власть в семье и обществе, связанную с этой экзальтированной ролью. Таким образом, набожность представлялась как образ существования и склад ума женщины и находила свое выражение в повседневной жизни.

Одновременно с позитивным отношением к набожности, возвышающим духовность женщины, происходили феминизация церковных ритуалов, рост популярности религиозных орденов и усиление женской активности, связанной с околицерковной деятельностью и влиянием христианских принципов. Женщины начали рассматривать церковь и религию как позитивные аспекты своей жизни, а церковь в свою очередь, была вынуждена вступить в диалог с ними и предоставить больше прав внутри церковных структур. Женская набожность из фактора ограничения превратилась в фактор наделяния дополнительными правами; это была идеология, которую женщины сделали своей и использовали на благо себе и другим.

Феминизация религиозной активности в Европе XIX века историками просто не обсуждается, каких бы тем они ни касались. А между тем в этот период во Франции, Бельгии и Испании резко возросло количество монахинь: во Франции — с 12 тысяч в начале века до 135 тысяч в 1878 г.⁶⁵ К концу столетия больше женщин, чем мужчин, иногда в значительной степени, посещали обедни и пасхальные литургии. В некоторых городах мужчины редко принимали пасхальное причастие⁶⁶. В Берлине женщины составляли две трети прихожан-протестантов. В западной части Лондона в 1902–1903 гг. более двух третей утренних и вечерних богослужений в англиканских церквах были женскими⁶⁸. Воскресенье стало осо-

* Гражданин вольного города Нюрнберга, где провел почти всю свою жизнь и которому посвятил пространное стихотворение «Похвальное слово городу Нюрнбергу» (1530). Башмачник. Известен как мастер «благородного искусства» мейстерзанга (песен на религиозно-дидактические темы), почитаемого в среде ремесленников. Расширил тематику жанра, охотно обращаясь к темам светского характера. Странник Реформации; в аллегорическом стихотворении «Виттенбергский соловей» (1523) приветствовал выступление Лютера.

бым днем для женщин, когда они торжественно отправлялись в церковь, надев свой лучший праздничный наряд, соответствующий случаю и подчеркивающий женственность и благочестивость. Девочки, входящие в церковь в белых платьях, выглядели очень женственно, подобно юным невестам Христовым, и являли собой образец богобоязненности и целомудрия. В неортодоксальных церквях Британии женщины также играли заметную роль: унитариянство*, методизм**, квакеры*** и Армия спасения**** создавали возможности для практического применения религиозного благочестия; женщины читали Евангелия и занимались благотво-

* Унитариянство (антитринитариянство) — движение в протестантизме, явившееся результатом не dogматического изучения Библии; чаще принималось демократическими протестантскими течениями (анабаптисты, социниане) и жестоко преследовалось как католиками, так и ортодоксальными протестантами.

** Протестантское течение, возникшее в Англии в начале XVIII в. с целью реформирования англиканства. Методисты не стремились изменять вероучение и обрядность англиканства, основной акцент они делали на евангелизацию культа, развитие миссионерской и проповеднической деятельности, ориентировались на широкие народные массы. К 1795 г. создали централизованную церковную организацию и отделились от Англиканской церкви.

*** Религиозное направление в христианстве, зародившееся в Англии в середине XVII века; протестантская деноминация. Одно из названий — Религиозное общество друзей (или просто Друзья). Отличительная черта религиозной доктрины квакеров — убеждение, что Бог пребывает в сердце каждого человека и призывает его встать на путь, ведущий к совершенной жизни. Эти сокровенные отношения между Богом и человеком именуются «внутренним светом» и проявляются в аскетическом образе жизни, духовной ответственности каждого индивида, сильном чувстве его причастности к судьбе ближнего. На квакерское молитвенное собрание может прийти любой человек. Если через некоторое время он или она чувствует, что разделяет квакерские взгляды, то может вступить в Общество и принять участие в его жизни.

**** Внеконфессиональная организация, основанная в 1865 г. в Лондоне. Сначала, на протяжении 13 лет, была известна как Христианская миссия, занималась преимущественно проповеднической деятельностью среди обитателей лондонских трущоб. В 1880 г. первые группы сторонников организации направились в разные страны. Сегодня Армия спасения активно действует почти в ста странах. В конце 1990-х гг. она насчитывала более 1,5 млн членов. Международная штаб-квартира Армии спасения находится в Лондоне, однако в каждой стране существует своя собственная организация. Армия спасения действует как религиозная и благотворительная организация. В ее задачи входят помощь в духовном, нравственном и физическом совершенствовании тем, кто нуждается в этом, исправление порочных, развращенных, опустившихся людей и преступников, работа среди бедноты и помощь больным, проповедь Евангелия и христианской веры. Важными направлениями деятельности Армии спасения является создание лечебниц для алкоголиков, дневных приютов, реабилитационных центров для взрослых, родильных домов и приютов для рожиц,

рительностью, активно участвовали в качестве добровольных помощниц в работе религиозных организаций, в том числе в проведении так называемых собраний матушек, которые по вечерам или в будние дни посещали женщины из рабочей среды, если они не могли пойти в церковь в воскресенье, или в деятельности женских благотворительных обществ, нередко прямо не связанных с церковью⁶⁹. В Шотландии религиозность также была преимущественно женской — посещение церковных служб было лишь малой частью ряда собраний, посвященных воздержанию, материнству, благотворительной деятельности, кампаниям по защите нравственности и т. п. В странах Северной Европы, где доминировала лютеранская христианская церковь, женщины начиная с XVIII века активно участвовали в движении за возрождение веры, которое привело их к профессиональной религиозной деятельности⁷⁰.

В наступившем XIX столетии связь с церковью все больше становилась прерогативой женщин, которые играли ключевую роль в определении религиозных привычек в семье, отвечали за нравственное воспитание, следили за тем, чтобы дети читали молитвы и посещали воскресную школу. Именно женщины поддерживали религиозные обычаи в семье, соблюдая праздники и организуя такие важные события в жизни, как венчания, крестины, конфирмация и первое причастие. Для некоторых женщин поддержание религиозных обычаев становилось жизненной ролью. Еврейки-иммигрантки превратились в прочные символы набожности; именно на них возлагалась забота за соблюдение религиозных правил и праздников в доме и приготовление кошерной пищи. В Лондоне и Манчестере по мере снижения значения синагог (особенно для мужчин) поддержание религиозности превратилось в домашнюю обязанность женщин⁷¹. На севере Франции католички из средних классов подчеркивали благочестивость своего образа жизни, не пропуская обеден, Святого причастия, регулярных церковных церемоний и служб, отдавая дань отшельничеству и паломничеству, а также ежедневным домашним ритуалам, таким как благодарственные молитвы перед едой, статуэтки Девы Марии в доме и ношение нательных крестов⁷². В XIX веке религиозность стала частью женской культуры и в значительной степени ушла из жизни мужчин. Паломничество к святыням и странствия во Франции в основном осуществлялись женщинами. Одна церковная епархия послала в 1894 г. в качестве пилигримов в Лурд* более пяти тысяч жен-

агентств по трудоустройству (в том числе для заключенных), приютов для стариков, бюро по проблемам семьи и центров по устройству на работу.

* Лурд — город на юго-западе Франции у подножия Пиренеев. Является одним из самых известных в мире центров культа Девы Марии и признанным местом паломничества.

щин и только четыреста мужчин⁷³. Женщины также гораздо чаще, чем мужчины, переживали чудесное исцеление в Лурде и других святых местах; они не стеснялись возносить молитвы Богоматери о помощи в личных проблемах. Действительно, возрождение культа Девы Марии стало основным проявлением женской набожности в католической Европе. Появлялись многочисленные новые приходы, религиозные ордена и монашеские объединения, посвященные Непорочному Зачатию и Деве Марии, воплощающей одновременно смирение и могущество.

В протестантской и католической частях Европы историки, пишущие о женщинах, интерпретировали феминизацию религиозности отчасти как органику ее развития, когда женщина становилась все больше приверженна церкви, а мужчина отдалялся от нее и его вера превращалась в пассивную, а отчасти — как результат развития отношения общества к женственности, морали и набожности. Женщины являются активным фактором обеих частей этого процесса. То, что известно как возрождение культа Девы Марии в католической Европе XIX века, дополнило атмосферу, в которой женщина могла претендовать на определенную долю влияния в церкви. Явления Девы Марии девочкам и женщинам — это характерная черта религиозности XIX века. Самое известное видение Непорочного Зачатия Бернадетте Субиру* (1844–1879) в Лурде в 1858 г. было лишь верхушкой айсберга. В действительности в этот период сообщалось о сотнях явлений Девы Марии женщинам и детям, однако внятность видений и подавляющее количество представительниц слабого пола среди свидетелей чуда отличают XIX век от более ранних периодов. Девочкам и женщинам, большинство из которых были бедны и часто не имели матерей, Дева Мария давала «эмоциональный бальзам» и утешение в несчастье и беде. Но она также наделяла духовидец властью. Они станови-

* Известна как святая Бернадетта (1844–1879). Родилась в семье обедневшего мельника, где было шестеро детей. При рождении получила имя Мари-Бернарда Субиру. Отличалась хрупким здоровьем и до конца жизни страдала астмой. Согласно ее собственному свидетельству, начиная с 11 февраля 1858 г. ей 18 раз являлась Пресвятая Дева в гроте Масабьелль. Госпожа велела ей зачерпнуть воды в гроте и испить ее, и с этого момента крохотный ключ, который был столь слабым, что Бернадетта едва отыскала его, превратился в мощный источник. Затем Госпожа попросила, чтобы возле грота построили церковь. А когда девочка спросила ее, кто она, ей было сказано: «Я — Непорочное Зачатие». Слава о месте явления Богоматери немедленно распространилась, и до сих пор святой грот ежегодно посещают тысячи больных и калек. Страдая от всеобщего любопытства и от постоянных допросов, которые ей учиняли гражданские и церковные власти, Бернадетта в 1866 г. поступила в женский монастырь в Невере, где и умерла. Была беатифицирована в 1925 г. и канонизирована 8 декабря 1933 г. Западная церковь отмечает праздник Лурдской Божьей Матери 11 февраля. День памяти святой Бернадетты — 16 апреля.

лись центром внимания, посланницами небес и проводниками чудесных исцелений. Статус духовидицы, пишет Дэвид Блэкборн о явлениях в немецком местечке Марпинген*, «был ресурсом слабых, способом бежать от реальности», который давал «неявные средства протеста против реальной или воображаемой несправедливости»⁷⁴. Действительно, неоднозначная реакция местного духовенства на сообщения о чудесных явлениях в их приходах указывает на озабоченность и страх предрассудков, а также на желание удержать контроль над ситуацией в случае возникновения массового религиозного психоза, воодушевляемого молодыми женщинами. Духовидицы по-своему использовали набожность, а поощряемая церковью связь женственности с благочестием создавала им базу для проповеди христианских ценностей в своих общинах. В 1846 г. во французской альпийской деревушке Ла-Салетт** двоим детям было предостережение от Девы Марии о том, что если люди не раскаются в своих прегрешениях, непосещении церкви и работе по воскресеньям, произойдет катастрофа⁷⁵. Для критиков Католической церкви и тех из них, кто создавал свой капитал на разоблачении чудесных явлений, духовидцы были настоящим сокровищем, безумию, истеричности, мистицизму и предрасположенности к предрассудкам которых противостоял просвещенный рационализм, а сами видения интерпретировались как результат излишней женской набожности.

В своем исследовании буржуазии промышленного севера Франции Бонни Смит расценивает всеобщий женский религиозный мистицизм как антитезу науке и прогрессу: «Математически точное, научное объяснение жизни показалось истекающим кровью, отекающим и страдающим от боли женщинам XIX века сущей глупостью»⁷⁷. Определенные категории женщин (представительницы буржуазии; работавшие женщины, которые говорили о явлении Девы Марии; женщины-паломницы, совершавшие паломничество в святые обители, например в Лурд, в надежде обрести исцеление) считали религию «поправкой к избыточному рацио-

* Деревня в Пруссии, в Трирском округе. В лесу около нее в 1876 г. будто бы являлась Богородица. Тогда пришлось прибегнуть к военной силе, чтобы рассеять огромные скопления народа.

** Накануне праздника иконы «Богородица семи скорбей» (19 сентября по католическому календарю) 11-летний Максим Жиро и 15-летняя Мелани Метью, не отличавшиеся высоким развитием (Максим лишь к 15 годам смог усвоить «Отче наш», а Мелани первое причастие получила только в 16 лет, не в силах запомнить «Символ веры»), пасли свои стада, когда увидели святящийся в воздухе шар, сверкающий ярче солнца, и из него показалась женщина, присевшая на камень у пересохшего источника. Рыдая, она сообщила детям, что если народ Франции и всего мира не обратится в истинную веру, предстоит катаклизмы и всеобщая гибель.

нализму и индивидуализму новой промышленной эпохи», которую представляли мужчины, приветствовавшие индустриализацию и связанное с ней отделение церкви⁷⁸. Но интерпретация женской духовной жизни как отсталости и неприятия всего нового или как приверженности пред-рассудкам в эпоху наступления рационализма не объясняет, почему религии отводилось столь значительное место в женском самосознании. Женщины, нашедшие утешение в духовной практике, не столько являлись пережитком прошлого, сколько были характерны для этого времени. Духовидицы подобные Джоанне Саускотт* (1750–1814) называли себя «женами, облаченными в солнце»**, о которых говорится в книге Откровений, связывали ниспосланные им предзнаменования с тысячелетней традицией пророчества и объясняли их рутинностью современной им религиозной практики и безысходностью своего положения. Эти черты наиболее ярко проявились у английской духовидицы Дороти Готт, отказавшейся от домашней работы ради духовных упражнений⁷⁹. Для женщин эпохи индустриализации и бедных духовидиц набожность была не наследием прошлого, а образом жизни. Религия гарантировала систему моральных ценностей и обряды, предусмотренные на все случаи жизни, и не теряла значения, потому что охраняла добродетели, ассоциирующиеся с женственностью, поддерживала женщину, занимающуюся домом.

В те времена в протестантских, католических и православных странах религии все больше становились привержены женщины, а мужчины старались ее избегать. Некоторым казалось, что религиозность и женственность идут рука об руку. Девочки, готовящиеся к конфирмации***, были, по словам одного берлинского проповедника, «искренни в вере в Господа. С присущей женщинам трепетностью они использовали свои таланты и преумножали их в сотни раз». В противоположность мальчикам, «набожность, непреложная искренность и восприимчивость к слову благодати и истины» у девочек всех социальных слоев были для окружающих как «глоток свежего воздуха»⁸⁰. Евангелисты уделяли огромное внимание роли женщины в доме и набожной матери в воспитании детей и создании в семье атмосферы следования моральным ценностям⁸¹. Согласно Джейн Рендалл, «динамичное евангелическое христианство XIX века... укрепляло то, что рассматривалось как главные [женские] качества, ясно определяя сферу их применения [и] предлагая [женщинам]

* Английская «пророчица», объявившая, что ей предстоит стать матерью нового Мессии.

** «И явилось на небе великое знамение — жена, облаченная в солнце; под ногами ея луна, а на главе ея венец из двенадцати звезд» (Откр. 12, 1).

*** *Confirmatio* (лат.) — обряд приема в церковную общину подростков, существующий в разных формах у католиков и протестантов.

ограниченную, но позитивную роль в самом движении»⁸². Религиозность была образом жизни, ею руководствовались в личных пристрастиях и общественной деятельности. В самом деле, привилегия набожности означала то, что позднее рассматривалось женщинами как продолжение их личной духовности. Женщины, считавшие религиозность своей главной чертой, все больше искали возможности продемонстрировать ее вне дома. Католички могли войти в религиозный орден, используя его как средство гармонизации своих устремлений. Во Франции конгрегация (*congréganiste**) как модель религиозного сообщества, позволявшая женщинам преподавать или ухаживать за больными, была популярнее закрытых религиозных орденов⁸³. Уступки церкви мирянам ясно отражают существующую в обществе необходимость признания важности женской нравственной миссии. Активные протестантки также стремились найти общественный выход своему религиозному воодушевлению. В протестантской традиции мифологию вытесняла идеализация воображаемой женщины, установившей близкие доверительные отношения с Господом, хранительницы веры, оказывающей нравственное влияние не только на свою семью, но и на общество в целом. Напомним слова Джона Анджелла Джеймса из работы 1852 г. «Female Piety» («Женское благочестие»): «Библия возвела ее на трон... женщина является королевой домашнего очага, верховодит в этом занятом царстве, где главенствуют любовь и нежность, утонченность мысли и чувства»⁸⁴. В Гамбурге Амалия Зивекинг (1794–1859) основала в 1832 г. Женскую ассоциацию заботы о бедных и немощных, попытавшись таким образом оказать духовную и моральную поддержку беднякам этого города⁸⁵. По всей Британии женщины искали выход своей религиозности. Они занимались преподавательской деятельностью в начальных классах воскресных школ и в ассоциациях трезвости, где боролись против злостного употребления алкоголя и его последствий. Такими способами женщины несли свои христианские принципы в мир. Только им удавалось сочетать высокую мораль с преданностью вере, и именно этим они прославились у себя на родине и среди тех, кому служили примером христианской добродетели⁸⁶. Верующие женщины чаще становились образцами для подражания, чем те, которые отстаивали свою независимость и общественное равноправие.

В Европе XIX века религия занимала центральное место в жизни женщины, но это проявлялось несколько иначе, чем в предыдущие столетия. Возвышающая женщину роль носительницы веры и образца нравственности осуществлялась не в религиозных институтах, а в повседневной

* Религиозная организация, руководимая монашеским орденом, куда наряду со священнослужителями входят миряне.

жизни. Эта роль была трудна и возлагала на исполнительницу ответственность не только за свои поступки, но и за поведение других. Несомненно, религиозная проповедь набожности или богобоязненности, присущих жене и матери, ограничивала возможности и деятельность женщин. Однако историки, пишущие о женщинах, считают, что так называемая религиозная привилегия давала женщинам ощущение нравственного превосходства, расширяла ее пространство и создавала язык для распространения нравственного влияния за пределы своего дома. Религия не была подменой активности для женщин, как полагают некоторые исследователи. Христианская благотворительная деятельность не являлась лишь способом убить время для скучающих представительниц среднего класса. Религиозность требовала постоянной самоотдачи. И в этом смысле привилегированное место искренне верующей женщины в семье и обществе было достижением. По словам немецкой феминистки и педагога Генриетты Гольдшмидт, «равно как нравственная сила необходима женщине в собственной семье, ей нужны обязательства перед обществом, чтобы выполнить свою миссию в семье национальной»⁸⁷.

ВЫВОДЫ

Понятие женственности было пересмотрено и заново сформулировано в конце XVIII века, сначала писателями и учеными эпохи Просвещения, которые определили природу как женское начало, а культуру — как мужское. В начале XIX века в европейском обществе тело являлось ключом к пониманию пола. Научные и медицинские открытия в области анатомии и физиологии и связанное с ними новое понимание функций тела начали вытеснять бытовавшие ранее метафизические представления, разделявшие род и пол. Открытия, связанные с телом, породили новые этимологические связи, и физиологические, или половые, особенности и различия стали использоваться для того, чтобы объяснить и подтвердить исконные представления о характере ролевых функций мужчины и женщины. Биологическая функция почиталась как предопределенная, поэтому предназначение женщины рассматривалось как ее способность к репродукции. В начале XIX века возникла и получила распространение довольно несовершенная модель обособления сфер: проповеди, наставления о замужестве, романы, нравоучения твердили, что женственность — это скромность, терпение, самопожертвование, набожность, материнство и привязанность к дому.

«Миссия женщины заключалась во влиянии, разумной экономии, набожности и вере, а также в том, чтобы воодушевлять, развлекать, утешать и вливать силы в мужчин, дабы „мощный двигатель мужской жизни имел поддержку, действовал и добивался результатов“»⁸⁸. Раз-

мышления 1850 г. преподающего Бинни о роли полов, несомненно, соотносимы с трудами Жан-Жака Руссо на ту же тему, созданными примерно столетием ранее. И для Руссо, и для священника середины XIX века роль женщины связана с ответственностью; зависимость от мужа компенсируется социальной значимостью поддержки, которую она оказывает мужу, и воспитанием детей. Роли, изначально определенные как природные, стали культурными. Однако для респектабельной, добродетельной и активной женщины, стремящейся к личной независимости и самореализации, существовал путь, альтернативный пассивности и самоуничтожению. Мэри Уолстонкрафт, выразитель идей «развития и эмансипации всего пола», опередила свое время, и ее настойчивые требования признать женщин разумными существами и свободными гражданами, дабы они скорее могли стать хорошими женами и матерями, больше отвечали симпатиям и предпочтениям послереволюционной эпохи. Женщины, посещавшие церковь, читавшие романы Руссо и другую дидактическую литературу, которая толковала им о том, как быть хорошими женами и матерями, использовали полученные знания по-своему, полагая, что они не столько ограничивают их возможности, сколько наделяют их властью.

Научное издание
Серия «Исследования культуры»

ЛИНН АБРАМС

ФОРМИРОВАНИЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ
ЖЕНЩИНЫ НОВОЙ ЭПОХИ
1789–1918

*Выражаем признательность ЗАО «Олимп—Бизнес»
за помощь в подготовке издания*

Главный редактор
ВАЛЕРИЙ АНАШВИЛИ
Заведующая книжной редакцией
ЕЛЕНА БЕРЕЖНОВА
Редактор
ТАТЬЯНА СОКОЛОВА
Художник
ВАЛЕРИЙ КОРШУНОВ
Верстка
СЕРГЕЙ ЗИНОВЬЕВ
Корректор
ТАТЬЯНА БЕЛЯЕВА

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ
125319, Москва, Кочновский проезд, д. 3
Тел./факс: (495) 772-95-71

Подписано в печать 06.12.2010. Формат 70×100/16
Гарнитура Minion Pro. Усл. печ. л. 32,9. Уч.-изд. л. 28,9
Печать офсетная. Тираж 1000 экз.
Изд. №1215. Заказ №

Отпечатано в ГУП ППП «Типография „Наука“»
121099, Москва, Шубинский пер., 6